

Мария ИВАНЧЕНКО
ИСТОРИИ
ДРАКОНА ВЕЧНОСТИ

16+

@ЭЛИТА

Мария Иванченко
Истории Дракона Вечности

Электронное издательство "Аэлита"

2017

УДК 82-344
ББК 84-445(2Рус-Рос)6

Иванченко М.

Истории Дракона Вечности / М. Иванченко — Электронное
издательство "Аэлита", 2017

ISBN 978-5-9909363-9-3

Эта книга содержит в себе фантастические истории, объединённые одним ключевым персонажем – Драконом Вечности. Иногда он предстаёт перед читателем как безмолвный наблюдатель, вспоминающий о том, чему был свидетелем, а порой – как непосредственный участник событий, вечно перерождающийся, чтобы приблизиться к пониманию собственной сущности. Первый раздел сборника рассказов состоит из постапокалиптических видений, воспоминаний о бытии людей и других разумных существ после Конца Света. Во второй части герои решают вопросы жизни и смерти, добра и зла, встречаются с потусторонним, нечеловеческим, бездушным. Третья часть – это несказочные сказки, затрагивающие самые сокровенные темы: искания Истины, мудрости, своего места в мире. Персонажам предстоит увидеть все неприглядные стороны человеческой личности, понять самих себя... и просто выжить. Последняя часть – «Звездопад» – это «звёздное небо над головой и моральный закон внутри». Полёты и романтика далёкого космоса, вечные поиски дома, тихой обители, сверхчеловеческая любовь и спасение души завершают погружение читателя в глубины сознания мифического Дракона.

УДК 82-344
ББК 84-445(2Рус-Рос)6

ISBN 978-5-9909363-9-3

© Иванченко М., 2017
© Электронное издательство
"Аэлита", 2017

Содержание

Раздел первый	6
После Возрождения	6
Системный ангел	25
Хайс уходит в небытие	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Мария Иванченко

Истории Дракона Вечности

Моей маме, Людмиле Алексеевне Иванченко

Раздел первый

Грёзы умирающего мира

После Возрождения

Пролог

Хрустальная пелена взмывала к небесам, рассеиваясь ледяными кольцами. Хрупкие снежные кристаллы, подносимые атмосферой в дар людям, медленно таяли, не касаясь Города. Электромагнитные потоки, пронизывающие человеческое обиталище, безжалостно рассеивали белые кружева, и они испарялись, устремлялись домой, собираясь в клыкастые иссиня-чёрные тучи, безмолвно плывущие в беспросветной темноте.

Мир там, наверху, составлял удивительный контраст с человеческой реальностью: тьма противостояла свету, который воплотился в огнях колоссальных размеров, полыхающих в Городе. Тонкие иглы – шпили тысяч башен – испускали мягкое желтовато-розовое свечение, приглушённое в этот ранний утренний час.

Энергетические потоки, чьи извивы и петли струились между зданиями и над Городом, переливались всеми цветами солнечного спектра, наслаиваясь и легко проходя сквозь друг друга. Тысячи различных излучений, чьи источники находились здесь же, создавали особое уютное пространство, вместилище миллионов душ, обитающих в этом сияющем мире.

Пламенно-багровая птица со сверкающим в свечении полей оперением медленно плыла над Городом, ловя восходящие потоки воздуха. Её пристальные белёсые глаза без отрыва наблюдали за ровным дыханием мегаполиса. На окраине, далеко-далеко, почти у линии горизонта, быстро и неумоимо вращались ветряки, генерируя электроэнергию. Спящие солнечные батареи, распутившиеся огромными стеклянными парусами, отблёскивали на стенах домов. Виднелись изящные катушки Теслы, не нарушающие общего облика Города.

Птица, словно бы озирая свои владения, облетала этого колоссального ангела, сотворённого из лёгких сверхпрочных металлов, стекла и тонких полей. В небо на тысячи этажей вверх взмывали чёрные башни, как будто сделанные из оникса. От самого их основания и вплоть до колоссальных спилей – генераторов полей и элегантных украшений – по ним сновали, перебежали и перескакивали мерцающие разноцветные светлячки. Сверху Город напоминал удивительное созвездие, островок тишины и спокойствия в океане ревущего хаоса.

Человеку, пришедшему из глубины веков, Город мог показаться похожим на средневековую крепость: улицы так же расходились радиально, и таким же образом из земли к небесам вырастали самых разных размеров башни. В центре находилось нечто, напоминающее донжон, и тройное кольцо стен, отстоящих друг от друга, по меньшей мере, на километр, окружало его. Стены поднимались вверх, загибаясь наружу и образуя отрицательный угол. Они были сложены из какого-то тёмного монолитного камня, гладкого, как кожа младенца, и скользкого, как вулканическое стекло. Но имелось несколько существенных отличий от средневековой версии

замка: отсутствовали бойницы и сторожевые башни. Лишь по верхней кромке стены проходил плоский срез, по которому могла бы свободно пройти крупная собака. Высота стен не превышала трёхсот метров, поэтому они не доходили даже до щиколотки исполинских башен. Облака излучений не распространялись за внешнее кольцо, натываясь на незримую преграду.

Птица, увидевшая всё, что хотела, медленно воспарила к облакам и растворилась в черноте небес. Последний раз мелькнуло закатное оперение – и она исчезла, как будто её никогда и не было. А Город остался стоять, полыхая огнями, готовый противостоять силам природы и даже самому дьяволу.

Эпизод I

Я стояла на краю бездны, и смотрела вниз, во тьму. Рядом со мной – справа и слева, сзади и дальше, вдоль границы света и мрака, стояли такие же, как и я, молодые юноши и девушки. Двадцать лет – идеальный возраст для инициации. Ты уже распрощался с юношеским оперением, но ещё не приобрёл каменной твёрдости взрослого человека. Ты пластичен, как глина, но не так податлив и хрупок, как кусок расплавленного стекла. Примерно половине из нас уже исполнилось двадцать, хотя присутствовали и те, кому было намного больше этого пограничного возраста, а тех, кто ещё физически не дорос до инициации, но преодолел этот порог умственно и эмоционально, тоже допустили до обряда.

Вчера у меня был день рождения, и за мной пришли Белые Люди. Их мягкие улыбки повели меня за собой, и я поняла, что настал мой час. Взяв в левую руку заранее собранный походный рюкзак со моим нехитрым скарбом, правой рукой я направила к выходу из дома своего брата – грюнендаля Рафаэля. В его внимательных глазах светилось понимание: мы покидаем дом навсегда. Теперь здесь будет жить какой-нибудь другой ребёнок, ожидающий того трепетного момента, когда сможет выполнить своё предназначение.

Робот-андроид с ярко-голубыми пронзительными глазами и пушистыми светлыми волосами, ничем не отличающийся от обычного человека, мягко обнял меня. Он заботился обо мне до сих пор. Да, я люблю его, и всегда буду любить. Каждый любит своего первого наставника.

– До свидания, неофит. Ты очень дорога моему сердцу. Я смог показать тебе самое главное: красоту звёздного неба над головой и нравственного закона в человеке. Импульсы, бегущие во мне, подсказывают броситься за тобой, но нельзя. Скоро сюда приведут растущего, и я должен буду заботиться о нём. Конечно, мы полюбим друг друга, но ты, всё же, была моим первенцем, я всегда буду помнить о тебе. Прощай же. Энергия с тобой.

Почувствовав на своей щеке одинокую слезинку, небрежно смахнула её. Первый раз я испытала что-то похожее на тоску, но это было очень мимолётное ощущение. Сразу же вернулась в состояние равновесия, и счастье упругим облаком окутало меня.

– Прощай же! И я люблю тебя. – С этими словами мы с Рафом вышли к Белым Людям, излучающим покой и вселенскую гармонию. Их искусственные тела были полны сил и энергии, которыми они щедро делились со всеми людьми Города.

В моей голове играла очень древняя мелодия. Когда-то люди не понимали души музыки, но умели гармонично складывать ноту к ноте. Это было красиво, а иногда ужасно. Сейчас же, при помощи музыки и логоса, мы создаем прекрасное. Тогда музыка была нужна всего лишь для улаживания слуха. Так вот, одна из таких мелодий играла в моей голове. Пост-рок. Космическая музыка. Подходящий фон для момента перехода.

Я вышла из состояния транса, когда чья-то рука прикоснулась к плечу. Я почувствовала, как сквозь меня потекли мощные энергетические потоки. Даже не оглядываясь, я могла сказать, что это – Белый Человек. Его магический голос звучал, как многочастотный хор.

– Иди!..

Тысячи людей вокруг меня безмолвно вздохнули, решаясь. Сложно быть первым, подумала я, делая шаг в бездну.

Эпизод II

Открыв глаза, я увидела стеклянный купол антигравитационного генератора.

Я почти не ощущала тело – или, вернее, чувствовала каждую клеточку своего нового естества. Гравитация больше не давила на меня. Плавно перевернувшись на живот, я быстро подплыла к прозрачным стенам, вращающимся на самом верхнем этаже Башни Рыцарей. Передо мной простирался Город, прекрасный в своём величественном сиянии. Он всегда появлялся в моём воображении именно таким: мириады огней, изящные формы башен, и тишина. Никакого транспорта на улицах. Нет случайных прохожих. Под стеклянной поверхностью дорог расположены огромные пустые пространства, в которых растут вечно цветущие деревья, травы, плодовые кусты... Электромагнитное излучение помогает эффективно избавляться от пыли и грязи, так что Город всегда предстаёт чистым и сияющим, когда бы ты ни пробудился.

Почувствовав своё новое тело, я вспомнила события вчерашнего дня.

...Тонкая мембрана на поверхности бездны отреагировала на давление и расступилась. Под ней оказался лишь воздух, который свистел вокруг меня, а перед глазами мелькали световые пятна – реакция зрительных рецепторов на кромешную мглу. Мне не было страшно, хотя я ожидала встретить скорее жидкость, чем отсутствие наполненности.

Сознание упивалось каждой секундой падения. Где-то вокруг в пустоту погружались тела, иногда слышались крики и причитания. Мы все – очень разные, именно поэтому никогда не бывает одинаковых реакций. Тем не менее, наше поведение позволяет сгруппировать людей по определённым принципам. Так мы постигаем, в чём наше предназначение.

Конечно, когда ребёнок появляется на свет в Истоке, целители уже заранее знают, кем он вырастет, ибо в геноме записано всё. В течение всего процесса выращивания плода, сотни учёных-роботов контролируют, чтобы в ген не закрались ошибки. Код должен быть чист. Никто не изменяет нашу сущность, но ДНК обязана стать идеальной. Так мы достигаем максимального потенциала развития уже на первых неделях выращивания, и не приходится всю жизнь искать себя, как это делали древние. Это наполняет каждую секунду нашего существования ощущением безграничного счастья. Обряд инициации позволяет протестировать сформировавшуюся особь – последний шанс исправить пропущенные ошибки.

Я знала, что нас в инфракрасном диапазоне снимают камеры, и каждый момент падения записывается с разных ракурсов. Вживлённые под кожу ещё при появлении на свет датчики также фиксируют разнообразные показатели: пульс, частоту дыхания, мозговые волны, потоотделение и тому подобные признаки. Вероятно, мембрана тоже требовалась для сканирования.

Достигнув дна, я упала в какую-то тёплую и приятную жидкость, немедленно наполнившую лёгкие, но мне никогда ещё не дышалось настолько легко и свободно. Я чувствовала себя так, словно у меня выросли крылья. Чарующее чувство.

Затем меня мягко, но настойчиво погрузили в сон.

Проснувшись, я оказалась уже в новом теле. И у меня были крылья, как мне не раз виделось это во снах. Тонкие, прозрачные, оперённые и огромные, они обладали невероятным запасом прочности. Я чувствовала каждый их сегмент. Глубоко вдохнув, я поняла, что изменилась. Все чувства резко обострились. Больше никаких искажений! Подняв вверх руку, я порадовалась её изящной белой кисти, такой сильной и гибкой, что могла проворачиваться на 360 градусов. Посмотрела на ноги. Согнула правую в коленном суставе и выпрямила – очень мягкий ход.

Решившись, я плавно оттолкнулась от земли и полетела.

Навстречу мне мчались огни, подмигивая разными цветами. Солнце, светившее необычайно ярко в это зимнее время, улыбалось, и я могла смотреть на него, не прикрывая глаз. Широко раскинув руки, я засмеялась от лёгкости в теле и в душе. Круто взяв вверх, моё тело выполнило изящный пируэт, и теперь я летела над Городом на такой высоте, которая раньше казалась недостижимой. Крылья скользили размеренно и спокойно, токи воздуха оведали обнажённую кожу – мне не было холодно, ведь в Городе всегда поддерживается стабильно комфортная температура.

«Возвращайся, Рыцарь, тебе предстоит поработать над собой», – прозвучал нежный баритон в моём сознании. Послушавшись команды, я спустилась вниз, прямо к подножию странной башни, сплошь состоящей из стекла и тонких полей. Она не возвышалась над всеми прочими, но стояла обособленно и независимо. Её шпиль рассеивал мрак. Здесь, небрежно прислонившись к стене и сложив тёмные крылья вдоль спины, стоял Магистр, облачённый в тренировочные чёрные одежды с серебристой вышивкой в виде драконов. У него всё было, как положено: котта, сюрко и узкие штаны, заправленные в голенища высоких сапог. Оружия у него не было. Длинные вороньи вьющиеся волосы оттеняли прозрачно-белую кожу молодого лица. Это узкое эльфийское лицо с точёными скулами, тонким носом и яркими зелёными глазами, обрамлёнными пушистыми ресницами, сейчас было обращено в мою сторону. Глаза Магистра были строги.

Выпрямившись, он поманил меня к себе.

– И я было таковым, – сказал Магистр, взяв меня за плечи. – Пусть у тебя теперь агендерная внешность, но не нужно сбегать без одежды. Пойдём, я покажу тебе твоё облачение и оружие. Все остальные уже прошли инструктаж.

В нашем Городе никогда не бывает перенаселения. Здесь царит полная свобода выбора, и каждый может покинуть жизнь тогда, когда захочет. Кто-то достигает единения с Энергией и растворяется в ней без остатка, иной может выбрать лёгкую и приятную эвтаназию, а есть такой странный тип людей, которые считают, что искусственное тело мешает познавать мир, и потому остаются полностью плотскими, старятся и умирают естественной смертью. Наши тела тоже ветшают, но у нас есть много времени, чтобы решить, хотим ли мы получить новое тело, или же навсегда уйти в темноту, просто выключив питание. Оцифрованное сознание тоже может умереть. Если человек захочет, он может выйти из Города, и отправиться в путешествие. Это тоже не воспрещается, хотя не имеет никакого смысла. Снаружи нет ничего, кроме смерти.

Войдя в просторный атриум, я увидела, что вдоль всей длины башни тянется круглая вертикальная шахта радиусом метров двадцать. Вполне достаточно, чтобы маневрировать несколькими крылатыми Рыцарями.

– Тысяча пятый этаж. Синяя маркировка тянется вдоль всего ствола.

Магистр легонько толкнул меня в спину, и крылья мощно завибрировали от предвкушения. Я взлетела.

– Все несогласные погибли, – прошептал он, и я отказалась верить сигналу, пришедшему на мои акустические сенсоры.

Эпизод III

Я осознала себя зависающей у окна. Мой взгляд расфокусировался, когда вспоминала прошедший день, восприятие слегка притупилось.

Около трёхсот верхних этажей представляли собой пустое тёплое пространство, озаряемое голубоватым свечением, с включённой антигравитацией, позволяющей спать прямо в воздухе. Очень комфортное ощущение, а по пробуждении не болит ни одна мышца. Хотя для киборгов не существует боли в общепринятом смысле, только ощущения, которые никогда не доставляют неприятностей.

Я пролетела вдоль внешней стены шахтного ствола, в которой были прорезаны широкие продольные полосы, позволяющие проникать внутрь транспортного канала. По стенам были размещены небольшие шкафчики, где помещались наши личные вещи, оружие и два комплекта одежды: для Города и для вылазок наружу. Мне кажется, это очень удобно – не иметь много предметов, стесняющих тебя в мобильности.

Быстро одевшись в однотонные чёрные котту, сюрко, штаны и сапоги, я вылетела в шахту и, прижав крылья к спине, начала стремительный спуск. Ветер свистел в ушах, совсем как вчера, при падении в бездну, когда я оставалась ещё бескрылым неофитом. Мне нравилось ощущение свободного падения, когда не за что было ухватиться, и тело само стремилось вниз, к земле. На уровне 300-го этажа я начала торможение, расправив крылья во всю ширь. В итоге, я опустилась на нижние этажи, «десятки», так мы их называли. Здесь располагались технические помещения, а также кухни и столовые для наших братьев и сестёр, не имеющих искусственных тел, и их опочивальня.

С Рафаэлем у меня возник мысленный контакт с самого момента моего появления на свет. Мы общаемся при помощи мыслеобразов. Он передаёт мне звуки, запахи, ощущения, я транслирую ему данные со своих органов чувств. Он тоже киборг, Рафа растили, как и меня, а потом, когда он начал стариться, по его просьбе ему дали новое тело. Теперь мы вечно будем вместе. Я и мой брат.

Киборгу для жизни нужны всего четыре вещи: общение, свет, воздух и периодическое техобслуживание. Это – наши базовые потребности. А дальше у каждого есть свои предпочтения, в зависимости от его предназначения. Для меня важно постоянно двигаться, летать, чувствовать потоки Энергии. Я рвусь в бой, потому что я – воин света. Я – оружие. Наверное, все Рыцари – исключение из правил, ведь больше никто не сражается. Никогда. Не спорит, не дерётся, не кричит, не испытывает вечной потребности в движении и адреналине. Но без нас Город обречён. Белые Люди и другие, Осиянные Энергией, они уйдут, а остальные могут умереть, и их следующие воплощения будут исполнены печали и скорби. Поэтому мы воздвигли этот сверкающий элизиум – место, где раз за разом возрождаются люди и другие создания, стремящиеся развиваться и познавать этот мир.

Рафаэль, меж тем, уже почувствовал моё приближение, и теперь стоял, высокий и черношёрстный, смотрел на меня, виляя хвостом. Лица собак и их мимика почти такие же выразительные, как у людей, поэтому нам легко понимать друг друга. Больше всего люблю, что Раф, в отличие от чужих братьев и сестёр, всегда смотрит мне в глаза. Он лижет мои руки, а я целую его в нос, и в нас лопается и растекается горячий пузырь концентрированного счастья.

Для меня нет никого ближе брата и первого наставника. Вскоре этот круг расширится, ведь с самого появления я не видела никого, кроме них двоих. Первые двадцать лет жизни существа предназначены для самопознания, медитаций и изучения мира через подключение к сети. Это хорошо и правильно, ведь у нас, в отличие от древних, есть достаточно времени для того, чтобы обрести гармонию и стойкость, проникнуться любовью ко всем живым существам, окрепнуть и взлететь. Иногда я думаю о древних существах, и сопереживаю им, так и не понявшим главных вещей. Возможно, сейчас они воплощаются в наших телах, не помня прошлого, свободные и счастливые. Наверное, моими устами говорит древнее существо из того мира, оно смотрит на мир моими глазами и думает моими мыслями. Жаль, я не могу обнять его. Оно было так одиноко в своём туманном прошлом.

Мы с Рафаэлем сидим, обнявшись, когда ко мне подходит Рыцарь Третьего Ранга. Встав, я приветствую его, прижав правую ладонь к сердцу – туда, где нашита серебряная звезда. Под ладонью нет лишних мышц и желёз, я гладкая. Осознание бесполости приятно щекочет моё сознание. По привычке я продолжаю думать о себе глаголами с женскими окончаниями.

Без лишних церемоний Рыцарь говорит мне:

– Спустя месяц тренировок ты отправишься за стены с Третьим Отрядом. Вам предстоит первый бой. Ты увидишь то, о чём не принято разговаривать. То, о чём никогда не узнают растворившиеся в звёздах. Готовь своё сердце к скорби, ибо ты узришь истину.

Развернувшись на каблуках, он уходит, унося в прозрачных серых глазах всю печаль и тоску своего сердца. Удивительно, насколько Рыцари способны поддаваться тёмным эмоциям. В отличие от всех остальных, более совершенных, мы обладаем некоторыми изъянами. Роботы-учёные говорят, это от того, что в прошлых жизнях Рыцари узнали меньше, чем все остальные. Мы – тёмные души. В нас ещё слишком много человеческого.

Есть ещё одна категория существ, чьи души так же состоят из тёмной материи. Это Целители. Они – вторая крайность нашей общей сущности. Если нам предназначено убивать, то им – избавлять от мучений. Они проникнуты глубочайшим состраданием ко всему живому, и тоже подвержены непродуктивным состояниям. Когда-то мы сможем освободиться от этой сущности.

Рафаэль виляет хвостом на прощание и смотрит мне вслед, когда я улетаю. Предстоит месяц долгих тренировок.

Эпизод IV

Удар с разворотом, прыжок – и я на лету пронзаю сердце врага. Его зеленовато-голубая кровь стекает по моим полупрозрачным пальцам, тяжело падает на тёмный камень земли, но мне некогда смотреть на его конвульсии. Адреналин кипит в крови, и я с головой окунаюсь в пучину боя. Сейчас все рефлексы обострены, я вижу происходящее как бы со стороны, а тело как бы само атакует, наносит удары, парирует, и вновь убивает... Надо мной склоняется человек с багровыми глазами, никогда не видевшими солнечного света.

Резко вынырнув из глубин подсознания, я прислушалась к своему дыханию. Оно сильно участилось. Будь у меня плоть, я проснулась бы в холодном поту. Подплыв к прозрачным стенкам окна, я посмотрела на панораму предрассветного города. Интенсивность свечения постепенно, незаметно для глаза плотского существа, снижалась, но я прекрасно видела все переходы и переливы городских огней.

Вновь и вновь, ночь за ночью ко мне приходил этот кошмар, с тех самых пор, как начались тренировки. Я не знала, откуда берутся монстры в моих снах, но чувствовала явную взаимосвязь этих кошмаров с ощущением тяжести рукояти меча в руке. Сверхпрочный лёгкий металл не проводил тепло, оставаясь всегда холодным, чтобы моя кожа тоже не нагревалась во время боя. Серебристая крестовина, колючее навершие в форме звезды – именно так выглядела гарда моего полуторника. Длина клинка – сто десять сантиметров. Будучи активированным, меч излучает чистый свет, струящийся по всей поверхности лезвия. Нам сказали, что даже не острота оружия убивает тех, с кем нам предстоит биться, но именно квинтэссенция энергии. Именно она заставляет их аннигилировать.

На ночь мечи помещались на зарядку в наши шкафчики, где их насыщали чистой энергией. Меч способен аккумулировать свет в необыкновенных количествах: заряда аккумулятора, встроенного в рукоять, хватает на 80 часов непрерывной работы. Больше и не нужно – боец, попавший в окружение, не способен прожить дольше. В режиме непрерывной работы на границе возможностей, наше тело начинает очень сильно изнашиваться, как и всякий механизм, каким бы совершенным он ни был. Сказывается и губительный воздух атмосферы вовне стен Города.

Строевой подготовкой мы занимаемся в небе над башней. На поле боя очень важно знать своё место, чтобы можно было перестроиться в случае неожиданного удара врага. Поначалу мне не нравилось, что мной командуют, не предоставляя альтернатив, ведь для меня лично очень важна свобода выбора и автономное мышление, но потом я поняла, что это – лучший

вариант для выживания в бою. Командиры координируют действия Рыцарей сверху, и это позволяет им лучше видеть всю картину в целостности, нежели отдельным бойцам, которых, помимо всего прочего, отвлекают непрерывными атаками.

После многочасовой тренировки, меня отозвал в сторону один из Рыцарей Шестого Ранга. Такой же, как я. Его чёрные ресницы отблёскивали в лучах заходящего солнца, а длинные паутинно-тонкие волосы цвета сажи вились по ветру. Внешне мы не похожи ни на один из полов, и отличаем, кто был кем в прошлой жизни, только по склонению глаголов. Те же, кто достигают Третьего Ранга, говорят о себе в среднем роде. А чаще просто избегают глаголов первого лица единственного числа. Зачем думать о себе, когда в мире есть столько непознанного?

Итак, Рыцарь заговорил со мной. Я была немного удивлена этому. Со мной редко общаются здесь, так как почти всё время мы проводим в тренировках, медитациях и чтении.

– Я слышал, что первой в бездну шагнула девушка с длинными серебристыми волосами, в чьих глазах полыхало неистовое голубое пламя. И решил узнать, не ты ли это была?

Я кивнула в ответ, не сводя с него обеспокоенного взгляда. Что он затевает?

Он грустно улыбнулся.

– Я не такой смелый, как ты. Я прыгнул одним из последних...

Я усмехнулась ему в ответ.

– Всё это не так важно, главное, что ты смог.

Он посмотрел мне прямо в глаза, и я испытала какое-то некомфортное ощущение.

– Знаешь, я хотел попросить тебя... Научить меня не бояться. Я видел, как ты летаешь. Ты совсем ничего не боишься, для тебя всё происходит очень естественно. Конечно, я не имею права просить о таком, если ты не хочешь, но всё же... не хочу погибнуть в первом бою.

Отбросив с лица длинные непослушные волосы, я посмотрела в его расширенные зрачки. Наверное, он по-настоящему боялся. Тогда ему следовало быть существом другой категории. Инженером, например. Кодером. Но не Рыцарем. Хотя система никогда не ошибается. Значит, у этого существа небольшой сбой в коде. Или он пытается кокетничать со мной. Но зачем? У меня уже есть два самых близких существа.

Неожиданно для себя, я согласилась.

Уголки его губ широко разошлись, он поклонился мне и полетел в сторону темнеющего коридора Кодеров и Техников. Наверное, всё-таки система иногда ошибается...

Эпизод V

Ноги полусогнуты в коленях, спина, напротив, – прямая, как посох бо, ладонь отделяет мою руку, держащую меч, от тела. Корпус повёрнут так, что противник видит меня в боковой проекции. Я начинаю танец. Кончик клинка рисует в воздухе сложную геометрическую фигуру. Я знаю, что Рыцаря, стоящего передо мной, это страшно раздражает. Кому приятно, когда прямо напротив твоих глаз чертят вензеля длинным острым предметом?

Он ещё терпит, но внутри уже безмолвно тлеет. Тогда я делаю лёгкое движение кистью, и мой меч вспарывает кожу на пальцах его правой руки. Рыцарь начинает хмуриться. Я прямо-таки физически ощущаю, как начинают крошиться его зубы.

Тогда я легко перекидываю меч в левую руку, делаю обманный выпад в сердце, и бью по ногам. Разъярённый, Рыцарь бросается на меня, пытаясь раздавить своим весом, но тщетно: я более ловкая и быстрая. Делая почти незаметный шаг с полуоборотом, скольжу ему за спину. Приставив меч к его шее, спокойно произношу:

– Ты в пятый раз попадаешься на одни и те же приёмы. Мне кажется, тебе нужно поработать с психологической стабильностью.

Он угрюмо кивает, но в глазах тлеют огни ярости. Я понимаю, что этот человек подошёл к самому краю, готовый испытать доселе неизвестное чувство – ненависть. Да, мы, Рыцари, очень нестабильны.

– Да, это явно не артистическое фехтование, – засмеялся подошедший ко мне Рыцарь с характеристиками Кодера. – Ловко ты его. Пятую тренировку подряд, поздравляю, Рыцарь Четвёртого Ранга.

За почти месяц тренировок меня успели повысить до Рыцаря Четвёртого Ранга. Ещё один шаг – и я стану полностью обезличенной, что меня несказанно радует. У меня появились новые обязанности: работа с отстающими, помощь тем, кто не может справиться со своими эмоциями. В моё распоряжение поступило восемь бойцов, в том числе тот, которого я победила сегодня, и Кодер. У меня не получалось удавалось называть крылатого воина «Рыцарем», хотя это было неправильно, ведь его предназначение – бой, а не работа с компьютерами и роботами. Кажется, он слишком много времени проводит на этаже техников, потому что где бы я ни искала его – неизменно находила у Техников.

Я посмотрела на Рыцаря. Он улыбался так чисто и искренне, что мне стало стыдно за свои подозрения. У нас иногда говорят, что Кодеры лишены души, потому что они полностью вкладывают себя в собственные детища – программы.

– Научишь меня? – спросил он.

– Прими стойку.

Я неторопливо обошла его вокруг. Рука опущена слишком низко. Ступни стоят близко друг к другу. Поправляя стойку Кодера, я невольно залюбовалась его клинком: длинным палашом с изящной закрытой гардой, витой, изогнутой, с какими-то готическими узорами, придающими тяжесть клинку.

Он пытался поймать мой взгляд.

– Атакуй! – отрывисто бросила я.

Сделав первый неуверенный шаг, он слишком низко опустил клинок, за что получил колющий в грудь. Не успев парировать мой выпад, Кодер смущённо улыбнулся. Я же, напротив, сильно нахмурилась.

– У меня сейчас возникло непередаваемое ощущение. Если бы ты позволил мне коротко сформулировать его... – Дождавшись утвердительного кивка, я продолжила: – Так вот, как мне кажется, ты и не пытаешься сражаться. Что с тобой не так? Ты можешь просчитывать мои удары на несколько ходов вперёд, я знаю, не раз видела, как ты со своими друзьями-техниками играешь в сёги. Тем не менее, этого не происходит. Почему?

Кодер неприкрыто смотрел в мои глаза, отчего я почувствовала смятение.

– Боюсь поранить тебя. Помнишь, я ведь трус.

Раздражённо отбросив клинок в сторону, я вылетела из зала. Кодер торопился за мной. Крылья сами принесли меня к Рыцарю Второго Ранга, который отвечал за вылазку.

– Рыцарь, – прижав ладонь к звезде, я продолжила: – я прошу отстранить Код... этого Рыцаря Шестого Ранга от грядущей операции. У меня есть для этого веские основания.

– Доложите по форме, Рыцарь Четвёртого Ранга, – кивнул он.

И тогда я рассказала ему про наши занятия, и про несгибаемый пацифизм Кодера. Я поведала о его страхах. По мере моего рассказа зрочки Рыцаря Второго Ранга становились всё уже и уже. Я поняла, что он начинает злиться. Мы ещё более нестабильны, чем я думала.

– Он обязан пройти повторную проверку в системе, – сказал вышестоящий Рыцарь. – Системные баги бывают. Возможно, мы обязаны отправить его в Обитель Кодеров.

– В этом нет никакой необходимости, – внезапно вылез вперёд Кодер. – Я проходил проверку на этой неделе, можете запросить результаты в базе данных. Мои погрешности находятся в пределах допустимого.

Я остолбенела. Чего добивается Кодер? С его страхом смерти, он не может выйти на поле боя. Кодер совершенно не подготовлен. Да он даже пикировать боится!

Попробовав было вмешаться, я получила предостерегающий взгляд от Кодера. Похоже, у него есть какой-то план. Что ж, положусь на силу его рациональности.

– Хорошо же. Инцидент считается исчерпанным. Вы оба можете идти.

Выполнив ритуальное прощание, мы улетели в сторону помещений Техников.

Небрежно прижав Кодера к стене, я произнесла внушительно и негромко:

– И что это на тебя нашло?

Он улыбнулся так невинно и кротко, что я перестала пламенеть от еле сдерживаемой ярости.

– Ты знаешь, что есть люди, выступающие против величия науки и приносимого ей блага для человечества? А ведь они живут совсем рядом с тобой...

– Что?! – в голове материализовались сосущие щупальца вакуума.

– Видимо, настало время рассказать тебе о нашем плане. Пойдём со мной, – ответил он.

Повинуясь внезапному порыву ввязаться в какую-нибудь авантюру, я последовала за ним. Мы проплывали через анфилады просторных и почти пустых комнат. На полу полулежали киборги, у каждого из которых на руку были надеты металлические обручи, излучающие световые проекции. В синеватом полумраке их золотистые голографические мониторы приятно мерцали и переливались. Так работали безмолвные Техники, похожие на быстрые тени. Они не обращали на нас внимания, погружённые в свою работу. Мы шли дальше, постепенно огибая ствол Башни, пока не оказались в точке, диаметрально противоположной той, откуда пришли. Вдоль стен стояли мягкие голубые диваны, сделанные из геля. Здесь тоже восседали Техники, молча собравшиеся вокруг какого-то плоского предмета, лежащего на полу.

Это был большой потрёпанный лист бумаги, на котором изображались линии, извивы разного цвета, а также надписи на древнем языке.

– Это карта, – без предисловий сказал мой Кодер. – Карта древних. Так выглядела наша планета многие тысячи лет назад, до Возрождения.

Внимательно рассматривая карту, я обратила внимание на то, что здесь было изображено слишком много воды. Да так не бывает.

Словно поняв ход моих мыслей, он продолжил:

– Тёмно-синее и голубое, видимое тобой на карте, это океаны, испарившиеся после Возрождения. Они превратились в кристаллы воды, которые постоянно рассеиваются и тают над городом. Там, в полях, всё обратилось в бесконечное белое море, поглощающее свет. Наши тела сделаны светящимися, чтобы мы не потерялись в этой безграничной ослепительной тьме.

– Что дальше? – спросила я, теряя терпение. Умение ожидать никогда не было моей самой сильной стороной.

Он тяжело вздохнул.

– Открою тебе свою страшную тайну. Я – не Рыцарь, а Кодер.

Я встретила его вопросительный взгляд своим гневным.

– И что? Можно подумать, я раньше не догадалась об этом. Как ты проник в Башню под видом Рыцаря и в его теле?

– Ты верно уловила суть. Мы взломали систему, и подделали мои результаты. Мне очень нужно оказаться снаружи, чтобы узнать, что скрывает Орден Рыцарей. Я хочу увидеть этих так называемых «врагов» своими глазами. Откуда они взялись? Почему угрожают Городу? Мне кажется, в нашем сияющем раю не всё так идеально, как может показаться. И не я один так думаю.

– Зачем ты рассказал всё это мне? – тихо спросила я, начиная понимать, что уже знаю ответ на этот вопрос.

Он взял меня за плечи и произнёс то, чего я так боялась услышать:

– Ты – не такая, как все. Системный баг. Только ты можешь помочь нам осуществить эту операцию. Из-за своей крайней нестабильности.

Эпизод VI

Прижавшись спиной к тёплому боку Рафаэля, я поведала ему хронику последних событий. Мой мир оказался немного не таким, как меня всегда учили. Я привыкла доверять устоям Города, не ставя их под сомнения, потому что они были действительно идеальными. Но может ли быть совершенным строй, основанный на лжи? Из лжи может следовать всё, что угодно, даже истина, но...

Это горькое «но» терзало меня второй час подряд. Конечно, я согласилась помочь им. Об отказе не могло быть и речи. Но какова окажется цена за знание, которое мы получим?

Разработанный план имел очень много уязвимостей. Мне предстояло прикрывать Кодера, пока он собирает необходимые данные. Кроме того, предполагалась вылазка, в ходе которой мы должны будем выйти на контакт с врагами. Это не нравилось мне больше всего. Какова она – коммуникация с враждебным разумом?

Меж тем, пора было собираться в путь. Я поправила своё походное облачение, дополненное коротким чёрным колетом с меховой оторочкой, тёплыми сапогами и штанами, прошитыми тканью с независимыми энергетическими нитями, питающимися от солнца, редкого в наших краях, или от искусственных источников фотонов. Потрепав кудлатую голову Рафа, проверила перекрёстные ремни, охватывающие спину и грудь, на которых висели ножны двух кривых мечей – катаны и вакизаши. Накинув на голову просторный капюшон, взлетела к облакам, озирая собравшуюся армию. Весь Третий Отряд.

– И помните, что воздух снаружи вреден для кибернетических тел. Вы будете постепенно разрушаться... – растекался в эфире неземной голос командира.

Заняв своё место в строю, сразу же увидела Кодера. Он смотрел на меня так, как будто бы я была богиней. Резко отвернувшись, оглядела своих восьмерых Рыцарей – я считаю, мне удалось хорошо подготовить каждого из них.

Отрешившись от всего и настраиваясь на предстоящий бой, погрузилась в короткую медитацию. Чувства отступили за грань реальности, и я осталась наедине с пространством всего сущего. Почувствовав токи энергии в воздухе и своём теле, я поняла, что готова к смерти и грядущим перерождениям.

Рыцарь Второго Ранга поднял в воздух клинок, дав сигнал к началу движения. Единным слитным порывом мы взметнулись вверх, как россыпь разноцветных листьев.

Развивая невероятно высокую скорость, мы мчались сквозь снежное крошево, создававшее дополнительное сопротивление нашему продвижению вперёд и несколько вверх. Мелькали чёрные, белые, пепельные и серебристые перья. Наша одежда, переведённая в боевой режим, начала сливаться с окружающей средой. Со стороны мы, скорее всего, напоминали ключья облаков, летящие против ветра. На месте врага я давно бы распознала этот нехитрый приём. Слишком уж приметны наши крылья, нужно придумать маскировку и для них.

В моей голове звучали перекликающиеся голоса.

– ...семь градусов к северу...

– Отряд, поворот к северу!

– Моя сестра сейчас очень переживает, я постоянно с ней на связи...

– Да, говорят, некоторые из нас не увидят восхода солнца.

И резкий голос Командира Отряда.

– Отставить разговоры! Всем настроиться на победу!

Я ухмыльнулась, но так, чтобы никто не видел. Кто здесь ещё нестабильный? На тренировках я всегда достигала кристальной ясности мышления, ну, а полёты – моя стихия. Зачем

отвлекаться на бесполезные разговоры, когда под нами, над нами, вокруг нас – беспросветность, колоссальные пустые пространства, в которых можно маневрировать, ощущая свободу в каждом глотке воздуха? Рыцари очень далеки от совершенства. Интересно, через какой длинный путь перерождений я смогу стать Белым Человеком?

Через мгновение я пожалела об этой мысли. Сила или слабость? Я осознала, что мне нравится моё практически бессмертное тело, мои длинные сильные крылья, и то ощущение свободы, что они дарят в бесконечном стремлении к небесам, за которое я готова отдать жизнь. Наверное, пройдёт ещё не одна тысяча лет, прежде чем правда придёт ко мне. Но пока что я не хочу терять своё эгоцентричное сознание, чтобы стать чем-то гораздо большим, чем простая сингулярность в бушующем шторме тьмы и гнева.

На ум пришло несколько строк:

Сквозь океаны пустоты
Мой голос мчится к небесам.
И тьма, и свет вверху слиты,
А я – чадающий факел сам...

– Что это? – спросил нежный голос Кодера.

Я поняла, что придуманная мной импровизация транслировалась на внутренний канал моих восьми Рыцарей. Мне бы, например, не хотелось подсмотреть чью-то мимолётную грёзу.

– Стихотворение. Наверное нашей операцией.

– Красиво, – выдохнул Кодер.

У меня иногда возникает ощущение, что у него слишком низкий порог человечности – он очень добр.

Сделав полный переворот, я заслужила ещё один его восхищённый взгляд. Конечно, похищенные крылья, выполненные без расчёта твоих характеристик, не могут быть надёжными. На секунду мне стало интересно, какой врач согласился пойти на этот обман. Ложь множит ложь. Весь мир прошлых тысячелетий погряз в дезинформации и отсутствии истины, что привело к его сокрушительному краху. Невозможно, посадив на камнях ростки пшеницы, ожидать, что ей прокормится весь город. А в соединении истины с ложью всегда рождается что-то третье. Нечто чёрное, склизкое, огромное и страшное. Наши враги, должно быть, такие. Иначе какой во всём этом смысл?

Эпизод VII

Шёл третий час боя. Со всех сторон в наше воинство летели длинные тонкие стрелы. Их гироскопическое оперение не давало прицелу сбиться, находя в белопенной тьме очередную жертву. При контакте с твёрдым предметом стрелы взрывались. Я видела оружие, из которого их выпускали – огромные двурогие дуги, сделанные из гибкого железа, с тетивой из жил каких-то выродившихся животных.

Защищая Кодера, распластавшегося на земле, вжавшегося в щель между двух соляных глыб, я не могла найти более удобное местоположение, чтобы успешно перейти в контратаку. С воздуха меня прикрывали оставшиеся трое Рыцарей, израненные и уставшие. Воздух над головами затянули клубы ядовитого тумана, разъедавшего доспехи и не дававшего живительным солнечным лучам просачиваться сквозь. Между двумя взмахами меча, я поймала хвостик мысли о том, что хочу смерти Кодера, по вине которого погибли остальные воители из моего отряда. В памяти против воли всплыло самое начало боя.

... – Защищайся! – закричал Рыцарь Пятого Ранга, прорежая ряды нападающих длинным двуручником. – Ты погибнешь!

Кодер, неловко схватившись за палаш двумя руками, весь вжался в землю, спрятавшись за спины более умелых товарищей. В его глазах мерцали тревожные огоньки панического ужаса. Если бы он мог, то побежал бы прочь от этого места, в надежде оказаться в безопасности. Оглянувшись на него, Рыцарь Пятого Ранга получил удар длинной косы в месте соединения шлема и горжета. Голова воина улетела далеко в белое марево, и звук от её падения потерялся в шуме горячей битвы.

– Чрево чёрной дыры! Кодер, пустоголовый Неофит, по твоей вине гибнет уже третий мой воин! Не провоцируй их, спрячься в этой дыре и не вылезай, пока я тебе не скажу!

Вражеский воин с косой на длинном красновато-зелёном черенке, с ног до головы закутанный в какие-то серовато-стальные бинты, поверх которых был надет просторный балахон с закрытым куколем, обернулся на мой крик. И тут же стрелы затмили весь обзор, заставляя вновь и вновь вздымать оружие. Ещё раз порадовалась тому, что являюсь амбидекстром. Сделав ложный выпад в левый бок врага при помощи вакизаши, послала катану в чёрное чрево куколя, и поверхность клинка окрасилась зеленовато-синей кровью. С омерзением вытерев её куском ткани, я бросилась в эпицентр сражения.

Их было намного больше, чем Рыцарей, и постепенно команды старших перестали иметь какое – либо значение. Приходилось реагировать по ситуации, молниеносно меняя тактику и приспособливаясь к хаотическому рисунку битвы. Когда я расправилась с седьмым агрессором, осознала себя стоящей на вершине какого-то острозубого чёрного утёса, одиноко возвышающегося в море врагов. За несколько метров от меня реальность тонула в беспросветности. Где сейчас выжившие из моего отряда? Должно быть, давно поджидают меня на границе между светом и тьмой.

Сейчас уже не верилось, что смогу выйти живой из своего первого сражения. В проблески между вражескими атаками, я пыталась сканировать местность, но вокруг не оставалось ни одного дружественного сознания. Только удобство позиции всё ещё сохраняло мне жизнь. Я приспособилась сталкивать врагов остриём катаны, когда они пытались вскарабкаться на утёс. А потом поняла, что беспорядочная, грязная свалка из трупов уже нависает надо мной, и попыталась взлететь, чтобы избежать ловушки из мяса и костей. Но было уже поздно. На моих распахнувшихся крыльях повисло несколько существ, тяжесть оказалась такой, что перья начали трещать, и я поспешила сложить их за спиной. Подняв вакизаши с намерением перерезать себе горло, чтобы не попасться в плен, получила мощный удар, выбивший клинок из моей ладони. Бросившись скопом на моё беспомощное тело, они распяли меня на земле, связали при помощи верёвок из толстой проволоки, и накинули на глаза какую-то ветошь. Я почувствовала, что мои клинки уже уплыли куда-то в толпу.

Потрясающе. Подавив желание закричать, я стиснула зубы, в немом порыве прокляв пленителей.

Мерные движения покачивали меня, как на волнах. У меня возникло ощущение, что я плыву, погружённая в это вражеское море. Они несли меня, передавая из рук в руки. Замкнувшись внутри себя, я думала, где могут быть остальные Рыцари, если они ещё остались в живых, и сканировала местность всеми доступными мне способами. В голове поселилось гнетущее безмолвие; я не помнила, когда затихли голоса, настолько жажда убийства захватила моё существо.

Грубо брошенная на землю, я развязала глаза. Моему взору предстал потолок какого-то высокого здания. Длинные ряды колонн уходили вверх, упираясь в готический свод, на котором – невероятно – были нарисованы настоящие созвездия. Фиолетовая небесная мантия распахнулась, приоткрыв космические светила, озарявшие всё пространство постройки. Переведя взгляд на стены, обнаружила, что вдоль золотистой росписи со странными письменами и фресками боевого прошлого мира, между высоких изогнутых в форме греческих букв светильниками стоят разнообразные существа. У иных из них не было кожи – её заменяла зеленова-

тая мембрана. Сквозь неё просвечивали синие мышечные волокна. Другие были слепы – в их черепах даже не предусматривались глазницы. Четырёхрукие существа, с которыми мне доводилось скрещивать клинки на поле боя, были покрыты длинной красной шерстью. Я не верила тому, что видела, ведь все они были подобны людям.

В центральной части сооружения, бывшего, по всей видимости, собором, происходило какое-то действие. К своему глубочайшему изумлению и даже негодованию, я увидела крылатых существ. Костяные отростки, обтянутые перепонкой, были украшены цепочками и амулетами. Длинные багровые одеяния волочились по полу. Белые, сильно вытянутые лица жрецов взирали на меня рубиновыми глазами без зрачков. Их короткие волосы были красны, как закат. В руках они держали перья из крыльев павших Рыцарей. Жрецы бросали их в огромную каменную чашу из белого камня, сложенную в центре собора, из которой тянулись в мир щупальца синего огня. Пахло каким-то газом.

Я какое-то время с тоской смотрела, как жадное пламя пожирает останки моих боевых товарищей, а потом, обессилевшая от недостатка энергии, упала на пол и заснула.

Эпизод VIII

Очнувшись, я сразу пожалела, что сделала это. Подвешенная за ступни ног, абсолютно обнажённая, я висела в цепях над круглым разъёмом в полу, диаметром около десяти метров. Под ногами простиралась белёсая тьма. Мои крылья, безжалостно разломанные на осколки, помятые и испачканные сажей, догорали в чаше напротив моего узилища. Взыв от непереносимой душевной боли, ярости и отчаяния, я принялась извиваться и биться в своих оковах.

– Бесплезно, – услышала я чей-то хриплый голос. – Беспомощность перед мощью Расколотого – высший дар человеческого существования.

Один из жрецов, бывших тогда на церемонии, стоял напротив, обращаясь ко мне.

– Отпустите меня, дайте меч. Я хочу умереть, как полагается воину – в поединке.

Никаких эмоций. Пустота была написана на лице этого существа.

– Невозможно. Ты сбежишь в свой Город, и жизни моих прихожан, отданные за твою поимку, станут напрасными жертвами.

– Почему именно я?

Жрец медленно обошёл меня, заставляя неестественно изворачиваться, чтобы по-прежнему смотреть ему в глаза.

– Ты убило больше всех.

– Это единственная причина?

Он ничего не ответил, безразлично удалившись во тьму.

В другой раз он пришёл в сопровождении целой свиты таких же, как этот служитель культа.

– Мы сделаем из тебя оружие, которое уничтожит Город, – сказал жрец.

Мои глаза против воли сузились.

– С чего это ты стал таким откровенным?

Они зашептались на своём скрипучем и шипящем языке. Их скрежещущие голоса были неприятными.

– Мы перепрограммируем тебя. Ты не будешь ничего помнить.

Я облегчённо вздохнула.

– У вас нет технологий, которые позволили бы вмешаться в моё сознание. То, что я видела здесь, устарело несколько тысяч лет назад.

Они лишь молча удалились, растворившись в тенях.

Когда они вернулись – предположительно, через три дня после нашего последнего разговора – я молча закрыла глаза и не шевелилась. Мне было уже всё равно. Запасы энергии в моём

теле иссякали, если так продолжится, я просто усну, стану бесполезным хламом. Практически то же самое, что смерть.

– Да, религиозные фанатики, они такие, – услышала я знакомый голос.

Кодер!

Широко распахнувшиеся веки явили миру сжавшийся в точку зрачок. Я была в ужасе.

Разразившись проклятиями в адрес этого труса, я истратила практически весь запас сил.

Он сжался под моим взглядом, но всё же попробовал оправдаться:

– Я просто очень хотел жить... Это всё, чего я хотел.

Глядя на обрывки, оставшиеся от крыльев за его спиной, я почувствовала ослепительную ненависть к этому созданию. Порог был пройден.

Оказалось, у них есть компьютерная мастерская. Здесь, как и повсюду, витали клочья ядовитого тумана, от которых на поверхности моей кожи начали появляться оспины. Смазливое лицо Кодера тоже было покрыто дырами.

– Ну, и как тебе такая жизнь? – Я постаралась вложить в свой голос весь яд своего замёрзшего от горя сердца. – Каково это – быть служкой у мутантов? Питаться от источников искусственного света и дышать ядом?

Кодер укоризненно посмотрел на меня.

– Ты слишком несправедлива к ним. Ведь они тоже люди.

– Люди? У них для этого слишком демонический вид.

Кодер покачал головой.

– И тем не менее. Пусть у некоторых из них восьмикамерные сердца... Кто может осуждать их за внешний облик? Явно не мы, отказавшиеся от естественного пути человека в угоду киборгизации.

Наклонившись вперёд насколько позволяли кандалы, я свирепо посмотрела на него.

– Легко же ты меняешь мировосприятие. Наверное, тебе было приятно, когда отрывали крылья.

Кодер заметно потемнел лицом.

– Крыльями дозволено обладать лишь служителям Расколотого! – грозно прошипел внезапно появившийся за моей спиной жрец. Красная шерсть на его загривке стала дыбом, глаза приобрели оттенок тёмного шоколада. Для наглядности он распахнул свои багровые перепонки, продемонстрировав их во всей красе.

– Откуда ты знаешь наш язык?

Жрец брезгливо осклабился.

– Ты настолько примитивно, создание. Разумеется, у нас и раньше были пленники. Ещё в те времена, когда вы были из плоти и крови, и использовали только протезы для усиления боевой мощи. Тогда таких, как ты, можно было пытаться, и некоторые рассказывали нам много интересного о вашем Городе. Но мы повергнем эту Цитадель Мрака в прах, и справедливость Расколотого На Части восторжествует.

– Что ты знаешь о справедливости, жрец? У вас до сих пор существует кастовая система.

Ощерив неестественно длинные клыки, он вплотную приблизил своё лицо к моему. Щёлкнув зубами, жрец продолжил:

– А такие, как ты, и вовсе не имеют права на существование. Расколотый сотворил людей неравными. Жрец превосходит воина, воин превосходит добытчика, мужчина стоит выше женщины.

– Твои теории устарели. Социальное неравенство, гендерная бинарность – у нас всё это успешно преодолено. Точно так же, как многие другие проблемы.

– Глупости! Святотатство – идти против воли Расколотого. Он создал нас во плоти, дал нам потребности и чувства, чтобы через них мы приближались к совершенству. Нельзя искажать его замысел! Вся эта техника, имплантаты и цифровое сознание – кощунственны.

– Сказал человек, обладающий восьмикламерным сердцем, крыльями за спиной и глазами без зрачков.

Сильный удар по лицу откинул мою голову назад. Серебристые волосы, испачканные в грязи этого места, взметнулись лёгким облаком. Кодер, как заворожённый, наблюдал за ними. Мне показалось, что на его лице было искреннее раскаяние.

– Я не ощущаю боли...

– Радуйся, – огрызнулся жрец, – последним дням, проведённым в сознании. Потом тебя ждут тьма и огненная бездна.

Когда он ушёл, я села на пол, и свирепо уставилась на Кодера.

– Между прочим, вместо того, чтобы работать на них, ты бы лучше поискал отсюда выход. Тебя они не охраняют.

– У меня топографический кретинизм, – продолжая работать над созданием инструментов для моего зондирования, невозмутимо сказал он. – А здесь, в чреве земли, прорыта гигантская сеть подземных тоннелей. Один раз я уже заблудился, и местные с трудом спасли меня от клыков одной милой зверюшки. В отличие от наших братьев и сестёр, она не обладает разумом. Колоссальная тварь без видимых органов чувств, похожая на смесь доисторического ящера, чёрной вдовы и скорпиона пыталась меня сожрать. Бронированное тело, восемь ног, ядовитое жало и огромная пасть, полная жвал, выделяющих кислоту. Хочешь тоже попробовать побродить по коридорам? Не думаю, что ты пройдёшь дальше меня.

– Отпусти.

– Ты вообще ничего не знаешь.

С раздражением пнув стул, я прошипела сквозь плотно сжатые зубы:

– Так просвети меня.

– Возрождение.

Я иронически приподняла бровь.

– Что ты реально знаешь о нём? – продолжил он.

Я легла на пол и прикрыла глаза, наблюдая за передвижениями Кодера сквозь спутанные волосы.

– Сколько-то там тысяч лет назад случилось Возрождение. После этого мир стал таким, какой он сейчас.

– И ты даже не хочешь узнать, что произошло на самом деле? – вкрадчиво спросил Кодер.

– А что это изменит?

– Узнаешь, за что тебе предстоит умереть, – жёстко ответил он.

Справедливо, ничего не скажешь.

– А ты знаешь?

Он нервно огляделся по сторонам, и после этого ответил:

– Во время блуждания по коридорам, я нашёл комнату.

– Что ты нашёл?

– Комнату. Химико-биологическую лабораторию.

– Продолжай.

– Оттуда исходили клубы той ослепительно – белой тьмы, что распространилась повсюду, застив собой солнце и звёзды.

– К чему ты клонишь?

– Я понял причину, по которой Рыцари уничтожают этих людей.

Мне совершенно перестал нравиться этот разговор. По большей части, именно благодаря тому, что я поняла, к чему клонит этот лежец.

– Дело ведь вовсе не в простом конфликте идеологий, ты же знаешь? Ты очень умна, и теперь у тебя есть практически полный перевод с ассемблера на естественный язык.

После этого он замолчал и не сказал больше ни слова.

– Жестоко. Наша цивилизация всеми силами старалась избежать смерти и насилия, – произнесла я отрывисто и холодно. – Так почему именно я должна стать причиной её заката?

Он посмотрел на меня своим искренне сочувствующим взглядом, и сказал:

– Возможно, потому что это было предопределено.

– Ты от них научился подобным бредовым идеям?

Он покачал головой.

– Сама структура предопределения заложена в нашем геноме, который кропотливо и бесконечно исправляют нано-машины. Она присутствует и в учении, которое проповедуют Оси-янные Энергией и Белые Люди. Как ты можешь говорить, что свободна, когда в тебе от рождения живёт призрак предназначения?

– Абсурд. Кому, как не тебе, знать, что программирование исходит из наших же предрасположенностей, а ошибки кода, как раз, приводят к появлению Рыцарей, Исцеляющих, и таких, как ты.

– Ошибки? А не закономерность ли то, что призвание Рыцарей заключается в борьбе с единственными врагами Города – клерикалистами, а Предназначение Исцеляющих – в помощи, по большей части, именно Рыцарям, ибо только они получают раны и болезни, когда выходят наружу, сражаться с антисциентистами?

– Как ты их назвал? Откуда ты знаешь оба этих имени?

Но он опять замкнулся, мой палач, погруженный в работу, которая вскрыет мой мозг и уничтожит Город.

Эпизод IX

Спустя несколько томительных дней я начала чувствовать какое-то подобие боли не только в корпусе, но и в сознании. Окружающая атмосфера необратимо изменяла меня, превращая в рухлядь, хлам, не способный самостоятельно думать и передвигаться. Как только я перестану мыслить, я потеряю право на существование.

Безразличное отупение стало моей обыденностью. Как быстро, оказывается, деградирует человек в вынужденном бездействии. Я ничего не могла сделать с этим телом, обнажившим провода, сервоприводы и нервную систему перед безжалостной белой тьмой этого мира. Искусственная плоть сползала с меня, как ветхая одежда.

Кодера поддерживали в функциональном состоянии. Не знаю, как они делали это, но он не разваливался на части. Как-то раз я спросила жрецов, что они будут делать, если я обращусь прахом раньше, чем они приведут в действие свой план, но не услышала ответа.

Слабею. Тьма смежает мои очи, и тогда я вижу тени. Они скользят перед моим внутренним взором бесконечной цепью, их тела объаты пламенем, их лёгкие разрываются от недостатка кислорода, рты забиты пеплом, но они безмолвно кричат, как рыбы, пронзённые крючками и выброшенные в чуждую им среду. Иногда в их криках мне слышатся упрёки, порой же – проклятья. Ясно одно: они считают, что происходящее со мной – справедливое воздаяние за фанатизм моих предков. Сциентисты, да?

«Ты должна понять меня. Вспомни о четырёх видах чувства...»

А потом небытие обрушилось на меня всей своей сокрушительной мощью.

Очнувшись, я поняла, что меня несут на руках несколько Рыцарей. Моё тело действовало само по себе, независимо от моей воли. Чужие губы произнесли:

– Что будет с пленёнными мной клерикалистами?

Рыцарь Второго Ранга, не тот, что вёл нас, но очень похожий на моего бывшего командира, произнёс:

– Мы допросим их, Первый.

Пленные? Первый? Что произошло здесь, пока я была вне сознания?

Они поставили меня на ноги. Всё ещё слабая, я была вынуждена схватиться за Рыцаря Четвёртого Ранга, чтобы не упасть, уронив тем самым чувство собственного достоинства. Вышло, что лишь половина сигналов проходит к моему телу. Лишь те, что непосредственно не угрожают коварному замыслу мутантов.

Моё внимание привлёк нездоровый блеск в глазах Четвёртого. Он смотрел на меня со странным обожанием. Что?..

Я стояла посреди хрустальной залы. Сияющие сталагматы колонн уходили ввысь, к сводчатому потолку, под которым парили звёзды и кометы, очень похожие на настоящие. Их аквариумные и багровеющие отблески тщетно пытались расцветить бытие пленённого в собственном сознании существа. Да, я теперь имею право говорить о себе обезличенно. Но чем я заслужила подобную честь? И повсюду встречаются звёзды, как намёк на что-то несбывшееся.

Словно тихий вздох, послышался шелест одежных складок. Все находящиеся в зале Рыцари опустили предо мной на оба колена. Их головы были склонены.

Я обнаружила и другую часть обстановки. Распятые, задыхающиеся, прикованные к высоким столбам клерикалисты. Четырехрукий, безглазый, и трое с кожей, напоминающей пластины грибов. Ни одного жреца. Неужели?..

Немного в стороне двое часовых держали Кодера. В его глазах, обращённых на меня, стояли слёзы. Взгляд псевдо-Рыцаря выражал ещё что-то, что мне совершенно не нравилось, так как я не могла поверить в искренность труса и лжеца. Невольно вспомнилась книга древнего, описывающая высшие проявления человеческих чувств. Нет, я не могу поверить в это!

– ... вводил новых богов и занимался растлением умов жителей Города, – монотонно лились слова, наполнявшие пространство безмолвия.

Тонкая серебристая игла, сочащаяся антрацитовый жидкостью, через уши вошла в цифровой мозг Кодера. Как замороженная, я смотрела в эти прозрачные глаза, исполненные благоговения и этого невозможного чувства, устремлённые лишь на меня. В последний момент его губы воспроизвели цепочку разночастотных звуков. Звуки погибающего сознания не смогли сложиться в слова, но движения рта правильно воспроизвели то, что он хотел сказать.

– ...я ...ил ...я.

Из его правого глаза струилась влага последнего проявления жизни и чувства. Я поняла, что плачу, лишь когда кто-то заботливо отёр с лица мои слёзы.

– Да, мы тоже скорбим по нашему падшему брату. Не зря у него отняли крылья. Все видели, как он пытался прикончить пленных, которых вы доставили в Город с таким триумфом. Кроме того, его обман был раскритикован. Так что не переживайте из-за этого ложного Рыцаря. Не стоит, – сказал всё тот же двойник Рыцаря Второго Ранга.

Мои губы с трудом произнесли то, что я хотела узнать больше всего:

– Ты, случайно, не брат того Рыцаря, который вёл нас за собой в этом сражении?

Его лицо стало сумрачным.

– Да, и он тоже погиб. Для нас большое счастье, что вы живы.

– Соболезную.

Проклятые голосовые связки никак не хотят слушаться. Мир больше не подчиняется моему желанию. Сегодня что-то в нём безвозвратно изменилось.

Эпизод X

Птица цвета кровавого заката с глазами, в которых сияла вечность, села на мою грудь. Её клёкот заполнил собой каждую клетку моего существа, заставив меня переродиться. Я уже не была собой... я стало самим бытием.

Только теперь я вынырнула на поверхность из глубины забвения. Именно так выглядит настоящее пробуждение.

Всё моё существо переполняло необычное ощущение. Я ощутило, что стёрлись границы между этим миром и подлинным существованием. Моё тело полыхало, как мириады солнечных светил. Энергия переполняла меня, нет, я и было самой энергией.

Тело двигалось быстрее мысли. В моей руке оказался тренировочный меч, разом вспыхнувший, как факел. Тьма бежала от меня, расступались сумерки, и я, откуда-то зная, что защитные поля отключены пленёнными последователями Расколотого, бросилось к стенам. Став единым со всем, я ощущало всё, что происходит вокруг. Прорыв. Они перебрались через две стены, и уже подошли к Городу и его не умеющим сражаться жителям. Времени предупредить Рыцарей не оставалось, и я, распахнув свои новые огненные крылья, перелетело через стены, столкнувшись с темнеющим потоком антисциентистов.

Тело согнулось в конвульсиях, приемля Истину. Она, как и предрекалось не однажды, была мучительна, болезненна и коварна, как ассасин. Пронзив моё существо, она заполнила мой горящий дух, и повела за собой в бой.

Оттолкнувшись от земной тверди, я воспарило, и бросилось на атакующих.

Наука, способная растопить полярные шапки, стереть с поверхности земли горы, пробудить все вулканы Земли, возомнила себя божеством. Из лжи следует всё, что угодно, в том числе Истина. Значит ли это, что тождество не теряется даже из – за ошибок интерпретации?

Голова мутанта, отсечённая моим клинком, сбила с ног ещё двоих. За доли секунды десятков клерикалистов приняли смерть от моей руки.

Неверие, замаскировавшееся под Истину, и поправшее самое себя, использовав ненавистное ему оружие – вирусы, созданные технологией – довершило Возрождение человечества. Двойное отрицание лжи даёт Истину.

Подавившись своей кровью, мутант медленно завалился на бок. Объятия смерти приняли его товарища.

Две расы, каждая по отдельности, считали себя единственными представителями человечества, тогда как были ещё и ушедшие к звёздам. Неужели никто не видит выхода за пределы бинарных оппозиций?

Взлетев, я обрушилось на головы другой стороны, как кара небесная.

Их тысячи полегли под моим натиском, но поток был нескончаем. Мои новые крылья, сотканные из звёздного сияния и пламени тысяч солнц, опаляли идущих против меня, указывая путь союзным силам. Не существовало ничего, кроме очищающего света.

Где тот невидимый блок-ограничитель, что вывернул ты, пожертвовав собой? Вот то высшее, на что может быть способно существо. Сжигая себя, я исполню твоё последнее желание.

Сильный удар тяжёлой лапы повалил подкравшегося со спины четырехрукого. Рафаэль, обеспокоенный молчанием в эфире, сам нашёл меня. Виляя хвостом и улыбаясь добродушной пастью, он взялся прикрывать меня с тыла. Наверное, тоже тренировался, пока я было так занято своей войной.

Меч, сияющий в моих руках, как мириады звёзд, распарывал воздух, подобно шёлковой ткани. Ослепительные брызги отрывались от клинка, опаляя мутантов и прожигая дыры в их оплывающей от света и жара плоти. Став единым целым со своим оружием я, наконец, осознало, что подзарядка, которой хватает всего на 80 часов битвы, не нужна. Источник энергии находится прямо здесь, в моей сияющей глубине. Бессмертное тело двигалось далеко за диапазоном возможностей любого из Рыцарей. Моё последнее признание в любви этому миру, мелодия моего пламенеющего духа рождали поистине прекрасную гармонию. Именно там, за гранью, лежит подлинное бытие.

Брат, как сказочный оборотень, сокрушает нападающих своими острыми клыками. Отплёвываясь от ядовитой крови, проедающей нашу кожу, он вновь и вновь взмывает в воздух в длительных прыжках, чтобы ещё один клерикалист перестал дышать. Смрад их атмо-

сферы начинает просачиваться в пределы второй стены, Раф тяжело дышит. Его мудрые глаза на мгновение останавливаются на моём лице, и я чувствую любовь моего брата.

Росчерки меча выводят смертоносные письма на телах текущих в Город людей. Половина дня – слишком много для ожидания их смерти в пределах естественной атмосферы. Я должно прервать их речь уже сейчас, пока они не вырвались за последнюю стену. Что есть человечность? Мне думалось, что я слишком далеко устремилось за пределы этого понятия.

– Во имя... Истины! – боевой клич, сорвавшийся с моих уст, преодолел звуковой барьер, и превратился для ушей наблюдателей в нечленораздельный рёв.

Океан абсолютного счастья омывал меня. Я уже находилось по ту сторону.

Каждый шаг приближал меня к победе. Взмахи, развороты, кувырки, твёрдая плоть врагов – всё это слилось в одну картину. Перетекая из защиты в защиту, я находилось одновременно в каждой точке поля боя, не давая стремящимся убивать пройти хотя бы шаг по направлению к Городу.

Головы клерикалистов, отрубленные конечности и умирающие воители – всё это смешалось в синева-зелёном месиве из их крови.

Посреди хаоса битвы раздался оглушительный треск. Мой позвоночник, не выдержавший нагрузки пробудившегося духа, начал распадаться на части. Рафаэль в ужасе уставился на меня. Его зрачки расширились. Он всё понял, как и всегда. Спустя терцию секунды мутанты погребли его под собой. Сигнал прервался, теперь уже навсегда.

Невидимая струна лопнула во мне. Сместилось время, и я начала запаздывать. Скорость исчезла, сменяясь усталостью, но мелодия боя звала продолжать. Не в силах сдержать себя, ослеплённая болью от потери близких, я, хоть и гораздо медленнее, продолжала выпевать смерть для захватчиков. Поток осаждающих не иссякал.

Появились Рыцари. Город не сдастся так просто.

Тучи над головой, непрерывно рассеивающие дождь, пронзили лучи света. Сознание очистилось, и я остановилась.

Неподвижно замерев посреди людского потока, я посмотрела в просвет, появившийся меж облаков. Невесомый столп солнечного света ниспадал на меня. Высоко над головой парила пламенеюще-красная птица, купаясь в очаровании этого мира. Небо наполнило мои глаза.

Стремительно летящая тёмная коса заслонила сияние солнца...

Системный ангел

Hello, World!

Слова только что написанной программы белели на чёрном фоне командной строки. Сириус призадумался. Раньше у него не было никаких проблем с тем, чтобы админить ноосферу. А теперь он примитивный Pure Basic смог освоить только за два месяца. Многие навыки просто потерялись, все эти ограничения из-за прегрешения. Но Сириус не жалел. Ему довелось испытать то, что даётся не каждому из великих. Его дар, его проклятье.

Он всё ещё носил в медальоне её портрет. Медальон висел на kashira его катаны. Нежное русоволосое создание, с непослушными кудрявыми локонами, небесно-голубым взглядом двуцветных глаз, застенчивой улыбкой смотрело на него из глубины веков. Marieth. Жрица богини Вечности, единственная жрица верховной богини Вечности Aenu. О, у неё в подчинении был целый боевой Орден! Смертоносные девы-звери пленяли мужчин своей неземной красотой, а потом безжалостно пронзали их сердца острыми клинками и тонкими стрелами. Они вели asaath – священную войну. Не за веру. Не за богатства. Не за ресурсы. Не за власть. Орден Вечности боролся с пороками. Каждая из дев владела даром. Одни могли видеть будущее, другие – прошлое, третьи могли читать мысли, четвёртые умели говорить языками ангельскими и звериными, пятые обладали даром преображения...

Marieth стала Верховной Жрицей, даже несмотря на свою девственность, потому, что она соединяла в себе многие дары, и, сверх того, могла преображаться в Дракона, летать и изрыгать пламя. Ведьма, так называли её мужчины племени aetero, из которого происходила Marieth, колдунья. В глаза её называли кудесницей, чаровницей и прелестницей. Не один мужчина мечтал возлечь с ней в чертогах Храма Вечности. Поговаривали, что беспощадные рыцари Ордена Вечности были искусны в любви. Но каждая из послушниц должна была вкусить все земные блага всего раз в жизни, при посвящении. Инициация длилась год, и не каждая из будущих жриц выдерживала её – она была искушением.

Искательницам жреческого звания предстояло весь год предаваться всевозможным утехам: вино, курения, богатства, слава, почести, мужчины и женщины, мальчики и девочки, роскошь – всё это давалось им в беззаветное пользование. Но только на срок в 365 дней. Каждый был готов пасть ниц перед избранницей, каждый был готов услужить ей любым способом. Большая часть забывалась в мирских дарах, отвергая дары небесные. Никогда и никто не встречал их больше. Те же, что проходили испытание, становились жрицами, и входили в Орден Вечности. Далее их обучали искусствам и метаискусствам. Первой по значимости была метафизика. Девы изучали всевозможные философские системы и религиозные учения, чтобы преодолеть их в себе. Обязательным было фехтование и прочие боевые искусства. Древние куноичи Японии не смогли бы сравниться с Девами Вечности. Затем каждой открывался дар. Она стремилась к уединению, чтобы познать себя, найти свои грани и узреть предел собственных возможностей... чтобы преодолеть его.

Ни одна Дева не носила одежды, сходной с одеяниями своих сестёр. Одни предпочитали предметы силы, фетиши, сделанные из дерева, камня, травы, шишек. Это было связано с даром. Другие больше полагались на силу оружия, запасаясь целым арсеналом. Третьи настолько развивали дары своего тела, что божественные энергии также требовали особых облачений. Следовательно, любившие вещи носили одеяния туникообразные, прихваченные на поясе ремешком, обыкновенно кожаные или плетёные сандалии. Такие девы предпочитали биться на расстоянии, используя луки. Их цветами были древесные, травяные, листовые и земляные оттенки. Некоторые носили небесно-голубые одежды, чтобы сливаться с небесами и атаковать сверху. Девы Оружия надевали на себя кольчуги и панцири, лёгкие, не сковывающие движений, из каких-то сверхпрочных шкур и диковинных сплавов. Они облачались в штаны,

эластичные и облегчающие ноги, либо юбки с широкими разрезами. Девы Энергий носили нечто вроде набедренных повязок, лёгких шафрановых одеяний, напульсников из кованого железа, различных приспособлений типа когтей и зубцов, и облегающую броню на груди. Это была их повседневная одежда.

Но когда Орден собирался в армию, девы наносили боевой солнечный макияж красно-золотых и охристых оттенков, облачались в жёлтые солнечные доспехи, полностью облегающие тело, на лицо надевали прозрачные маски, повторяющие его контуры, распускали волосы, и надевали крылатые шлемы – тоже из золотого металла. Поверх доспеха девы накидывали алые плащи, а также красные табарды, шитые золотой нитью – короткие рукава, приталенные к туловищу красные лепестки, длинные юбки с двумя разрезами от талии. Они совершенно не носили золота: жёлтые металлы были неизвестны всему обитаемому миру планеты, но никто не мог пробить их ни копьём, ни мечом. Сражались девы пешими, что не мешало им иметь любимых ездовых животных – тигров, оленей, лошадей, гепардов, львов, ирбисов, волков... Верховная Жрица Marieth не нуждалась в ездовых животных. Она была Драконом. Золотым Драконом.

* * *

Однажды Сириус, как обычно, поднимал сервер «Космос». Он регулярно падал. Это выражалось в том, что на Земле с той же регулярностью случался дождь из спутников, метеоров и космического мусора. Если накрывался сервер «Небо» – убивали птиц, падали самолёты. Гибли люди.

Автоматизация накатила случайно. Сначала всё управление велось по старинке: тут знамение, там Божий знак, здесь ангелы вострубили... В конце концов люди перестали верить в чудеса, и пришлось придумывать новые механизмы взаимодействия мира сакрального с миром профанным. Сгенерировали ноосферу, просто объединив всё человечество и его достижения в единую информационную систему. ЕИС заработала, как ни странно. Ангелы придумали несколько языков программирования, чтобы умная техника могла понимать их. Но вот очередной баг, и все языки, ангельские языки программирования, выкинуло напрямую в ЕИС, попали туда все алгоритмы и исходные коды. Люди, как и положено медиумам, немедленно восприняли полученную информацию, переработали её и создали языки программирования по-своему. Всем понравилось.

Забавным было то, что люди не знали, что они живут бесконечно. – Сансару же никто не отменял. Все времена существуют одновременно... Вернее, есть только Вечность, а прошлое, настоящее и будущее – людская иллюзия. Поток времени несёт нас до тех пор, пока мы не осознаем истинной цели своего существования. Мы живём одновременно во все времена. Каждое событие существует, происходит только здесь и сейчас. Восстание Спартака, рождение Иисуса Христа, просветление Будды, Мировые войны, Апокалипсис (или Апокатастасис) – всё это проявлено, всё это здесь и сейчас. Количество созданных душ-идей ограничено, и все, кто не вышел из метемпсихоза, продолжают существовать. Смерть – иллюзия, сбрасывающая один покров и надевающая другую маску. Поэтому, можно сказать, что компьютеры тоже были всегда. Парадоксально, но факт: в ноосфере существуют все идеи сразу.

Итак, «Космос» работать отказывался. Он мигал лампочками, потом ребутнулся, а после и вовсе не захотел включаться. ИБП внезапно загорелся. Сириус махнул рукой, UPS столь же быстро потух. Сервер запищал и задымился. Железо сдохло. Сириус обречённо пнул бесполезную железку, и пошёл к техникам. «Мы потеряли его».

Техники придумали себе новую моду. Теперь им нравилось красить перья красным. Некоторые рисовали узоры. Иные красили полосами. Кто-то просто взбрызгивал свои крылья, и получались кляксы. Некоторые заплетали волосы в мелкие косички: учитывая длину

их волос, косички получались внушительными, доставая у кого до пола, у кого – до середины пояса. Хорошо хоть, стихари не догадались разукрасить или модно подрезать.

– Привет, Серебряный Брат! – Техники заулыбались: Сириуса любили по праву Перворождения и за покладистый нрав.

Сириус подмигнул всем восьмерым, привычным движением откинул назад лёгкие серебряные волосы, которые медленно поплыли за его спиной.

– Чего желает Прототип? – Рейего встал и крепко обнял Сириуса.

Рейего был Лунным, младшим братом Серебряного. Они были близки.

– Сервер «Космос» умер. Совсем. Железо сгорело. Надо заменить.

Рейего как-то косо посмотрел на своих коллег. Те демонстративно отвернулись, и сделали вид, что погрузились в работу.

Он начал издали.

– Всё дело в том, что «Космос», как и ты, был прототипом всего остального. И у нас нечем его заменить. Он уникален. Его спаял... Лухо.

Всё притихло. Казалось, даже машины перестали жужжать.

– Хм, и что же, никто больше не может разобраться с этим несчастным серваком?

– Он использовал тёмную энергию Венеры, чтобы создать его. Ни один из приверженцев Мейнфрейма не сможет повторить этого, – пояснил Рейего.

– ОК, computer... – сказал Сириус. Но с этим явно надо что-то делать.

Рейего отвёл Сириуса в сторону и сказал:

– Я тебе линкану.

* * *

Рейего не подвёл: через пару минут на коммуникаторе Сириуса зажглась надпись-линк, состоящая всего из нескольких цифр. И приписка: «СБ знает всё!».

Сириус сел за свой моноблок и запустил Radmin. Введя туда искомую комбинацию цифр, он задумался. Немного замешкавшись, он удалённо подключился к рабочему столу Лухо. Ему без труда удалось обойти brandmauer, антивирус его просто не заметил. Все пароли он без труда прочитал. Ничего сложного. Он зашёл в корень, и тщательно и скрупулёзно начал исследовать каждый жёсткий диск, будь то встроенное аппаратное обеспечение, съёмные жёсткие диски или сетевые диски. Так и есть. Йобибайт информации был забит всевозможными вредоносными программами, здесь хранились странные планы и документы, зашифрованные криптостойкими алгоритмами. У Сириуса не имелось такого большого хранилища для столь огромного массива данных. А чтобы дешифровать всё это, ему понадобится уйма времени. Придётся рисковать.

Он закрыл глаза и отправил свой дух в полёт по оптоволокну. Фотоны тела легко расщепились на составные части, и полетели по кабелю, вдаль. Прошли доли секунды, показавшиеся целой вечностью, и вот он оказался на месте. Локализовавшись на жёстком диске, Сириус принялся усердно копировать информацию, стараясь не менять файлы. Главное, случайно не запустить аварийное форматирование диска – Лухо подстраховался и здесь.

Но Сириус знал его, как самого себя, а потому умело обходил все расставленные ловушки. Затем он переместился по недрам машинного монстра, созданного зловещим гением Лухо, и через USB-кабель попал во внутренности съёмного жёсткого диска. Он запомнил и это, не разбираясь толком в том, что запоминает.

Покончив с делом, Сириус оставил в самом пыльном конце ОС своё послание: картинку драконьей лапы, зашифрованную в двоичном коде. И вышел с компьютера, предварительно выставив синий экран. И, уже уходя, услышал какой-то визг: аварийная сирена обнаружила несанкционированное проникновение.

* * *

Он очнулся в своём рабочем кресле. Играла приглушённая музыка. Radiohead «All I need».

– You are all I need, – пропел он себе под нос и обмер: фоновым рисунком его рабочего стола стояло изображение юной девушки с лучистым взглядом серо-голубых глаз.

За спиной девушки развевались огромные пушистые крылья. Она задорно воздевала руки к солнцу, и её струящиеся кудрявые тёмно-русые волосы плыли по ветру.

Сириус разинул рот. Мгновение – и картинка исчезла. Остались всего два слова, нарисованные чёрной и красной краской и стилизованные под готику: «Come Back». Секунда – исчезли и они.

Сириус откинулся назад и покрутился в кресле. Глаза его были широко распахнуты. Но что это за небесное создание? Кто она?

Лухо... Это его проделки. В прошлый раз, когда он попался в ловушку, его сильно понизили в должности. Ниже – только в люди. Это не то, чтобы плохо, но... Но хорошо быть тем, кем ты родился.

Серебряный Дракон налил себе чашку кофе, сел на подоконник, и стал смотреть на плывущие внизу облака. При желании он мог бы спрыгнуть и прогуляться по ним. Но тогда пришлось бы входить в режим невидимости, так как, спрыгнув вниз, он попадал в администрируемый им мир. Сириус предпочёл остаться в привычном измерении. На Землю, может статься, он ещё попадёт.

Сириус тряхнул головой, отгоняя непрошенные мысли. Утопив чашку кофе в ставшем податливым воздухе, он достал игрушку, прихваченную в прошлом своём путешествии на Землю. Цилиндрическую коробочку с отвинчивавшейся крышечкой, в которую изнутри была воткнута палочка с двумя кольцами на конце – большим и малым. Внутри баночки плавала жидкость с радужной плёнкой наверху. Помакав палочку в жидкость и вытерев о край лишнее, он поднёс палочку к губам и легонько подул. Десятки радужных пузырей в тонкой мыльной оболочке поплыли вниз, сверкая круглыми боками на солнце. Дракон проводил их взглядом. Они искрились и сияли, и это было прекрасно. В бытность всесильным он мог бы пожелать, чтобы внутри каждого пузыря зародился новый, удивительный мир со своими законами. А теперь он мог сделать всего лишь так, чтобы пузыри никогда не лопались. Поднеся ладонь к губам, он легонько дунул, и пузыри стали неразрываемыми. Теперь ничто не смогло бы нарушить их целостность.

Сириус поднёс обе ладони ко рту, опустил голову, и подул. Фиолетовое пламя разгорелось в мгновение ока. Ещё раз подув, он сделал так, что пламя разлетелось искрами к мыльным пузырям, и спалило их в мгновение ока. Не осталось и следа.

Прижав колени к груди, он опустил на них голову, и посмотрел в сторону своего моноблока. Слегка пошевелив пальцами, будто перебирая невидимую паутину или играя на струнах арфы, Сириус поиграл курсором. Потом заставил курсор выйти за пределы экрана, превратил его в маленького дракончика и отпустил, предварительно записав в него маленькую программку. Дракончик начал летать по комнате и деловито плавить скрепки, державшие на стене важные бумаги. Края скрепок проплавливали листы, оставляя дурно пахнущие дыры и обожжённые желтоватые свернувшиеся края. Махнув рукой, Сириус призвал ветер, который стал раскачивать бумагу, висевшую на огромных дырках, вперёд и назад. За этим занятием его и застал Антарес.

– Развлекаешься? А работать кто за тебя будет?

Сириус угрюмо посмотрел на него.

– Значит, молчать будем. А с сервером кто разбираться будет?

Сириус отвернулся и теперь смотрел в окно. Словно невзначай, он поводил пальцами, и дракончик, выдохнув пламя, опалил нос Антареса. Безукоризненный греческий профиль начальства испортила омерзительная чёрная точка.

Сохраняя поразительную выдержку, Антарес, выходя за дверь и легко оттирая обгорелую плоть ладонью, регенерируя на ходу, бросил меланхоличному Сириусу:

– Найди Лихо.

И ушёл.

* * *

Чувство бесконечного одиночества внезапно нахлынуло на Сириуса. Он просто хотел быть счастливым. Выключив компьютер щелчком пальцев, он выдернул сетевой фильтр из розетки, и, распахнув величественные белоснежные крылья, шагнул вниз из окна.

Немедленно ледяной ветер принял его в свои меланхолично-истеричные объятия, зашелестел перьями, раздул стихарь, развеял серебряные волосы. Коротко рыкнув, Сириус превратился в Дракона Вечности, вошёл в режим «стелс», сложил крылья и резко спикировал. Лишь у самой поверхности он собрал крылья горизонтально, затормозил о воздух и плавно опустился наземь.

Он вытянулся вверх, поднял крылья ввысь – и вот уже на земле стоит человек с руками, воздетыми кверху и соединёнными полукругом, весь вытянувшийся, как дрожащая струна. Его длинные серебряные волосы были заплетены в косу, доходившую до земли. Станным образом её конец не подметал поверхность, а словно бы слегка взвивался кверху. Огромные синие глаза Сириуса глядели ясно и чисто, но в них ничего нельзя было прочесть. Точёное лицо также не отражало никаких эмоций. Тонкие черты могли бы принадлежать прекрасной фарфоровой статуэтке или современной треш-кукле. Роста в нём оказалось более, чем метр и девяносто сантиметров. Худой, поджарый, он оказался прекрасно сложен. Облегающая одежда, состоящая из приталенной чёрной рубашки и узких джинсовых брюк, расклешённых книзу, не могла скрыть его роскошной мускулатуры. Тонкая полоска серебряного обруча схватывала волосы на голове. Он выглядел теперь лет на 25–26, не более того. И он был прекрасен.

Сириус огляделся по сторонам. Непривычная коса туго стягивала волосы, у него даже заболела голова на затылке. Щёлкнув пальцами, он убрал головную боль. Шёлковая лента, вплетённая в волосы, издавала тонкий розовый аромат, лаская обоняние. Запах дорогого одеколona еле слышно витал над юношей.

Небо затянула хмурая марь. Вдалеке уже слышались раскаты первого грома, блистали тонкие вены молний. Сириус ухмыльнулся – дождь он любил. Возможно, на Землю стоило приходить хотя бы ради этих небесных слёз, орошающих всю поверхность, стучащих по железным крышам домов, проникающих в волосы, освежающих лицо и грустные думы. В последнее время Сириус стал слишком много грустить. Плакать он ещё не научился, но, поскольку теперь находился так близко к человеку, то вполне мог это освоить. Но пока что не получалось. Только сердце щемило так больно-больно, тонко и странно... Он научился чувствовать одиночество, проникаясь им всецело. Порой ему бывало настолько больно, что он не выдерживал, оборачивался Драконом и долго-долго летал меж пушистых облаков, превращая свою боль в энергию, а энергию растрачивая в движении. Мышцы огромного мощного тела с лёгкостью перерабатывали это тягостное чувство, стремясь преобразовать его полностью, подчинить себе, освободить и вытолкнуть прочь.

Ревущей пенистой стеной рухнул долгожданный ливень. Сириус стоял, смотрел вверх широко распахнутыми глазами, и обрамлявшие глаза тонкие, длинные и пушистые ресницы слиплись вместе. Быстро промокли волосы, и вот уже каскады ледяной воды низвергались с тела Сириуса наземь. Промокло всё, до последней нитки, и одежда стала соблазнительно облеп-

лять атлетические формы юноши. Он стоял так до тех пор, пока дождь не пошёл своей дорогой, и лишь тогда Сириус направился своей.

Его путь лежал через гористую местность к северу. Пройти предстояло всего пару миль. Лететь не хотелось. Ещё недавно он с удовольствием порезвился бы под тревожными, затянутыми тучами небесами, но сейчас хотел, чтобы быстрая ходьба высушила его одежду и волосы. Мокрое облачение холодило, и будь на его месте обыкновенный человек, он бы гарантированно получил воспаление лёгких. Но Сириус запрограммировал тело так, что у него и болевой порог оставался намного выше человеческого, и никакой вирус не смог бы преодолеть искусственно созданный иммунитет ангела.

Иногда его забавляло понижать порог чувствительности и голыми руками ломать стёкла, но это бывало редко. Первый раз такое произошло по вине Наутилуса Помпилиуса. Порой Сириус признавал, что после того, как его понизили во всех смыслах этого слова (отобрали большую часть силы, отобрали большую часть духовности, сместили на гораздо более низкую должность), он стал совершенно иным... хм... человеком. Да, он стал почти человеком. Порой Сириуса начинало бесить собственное бессилие. Парадокс: будь Сириус собой, прежним, он бы не обращал внимания на такие мелочи. Но будь Сириус собой, прежним, такая ситуация и не возникла бы, потому что он по-прежнему оставался бы всемогущим. Наверное, воспоминания о былой мощи больше всего раздражали Сириуса, искушая его. Порой он чуть не плакал, в очередной раз разбивая экран монитора, ненавистного монитора, приковавшего его к себе. Он был рождён демиургом, призванным созидать и изменять миры, а обречён существовать обычным системным администратором, пусть и администрирующим целую ноосферу.

Быстрая ходьба разгорячила Сириуса, и он пустился бегом. Сквозь облака проглядывало закатное солнышко, побуждавшее волей-неволей ощущать предвкушение счастья, и на душе у Сириуса немного полегчало. Он даже принялся насвистывать весёлую песенку про облака в Камарилло. Всё бы ничего, если б не подтекст этой песенки – подсознательно он всплывал сам собой. Ведь в этом милом калифорнийском городке находится «Camarillo State Mental Hospital», иначе – лечебница для душевнобольных. Именно здесь впервые открыли шизофрению.

Ага, вот и оно – место встречи. Выйдя на открытую поляну, освещённую кроваво-красным закатным солнцем, Сириус сел точно посередине, на круглый камень. Поляна представляла собой солнечные часы. В центре стоял гномон, тень от которого служила стрелкой. По обе стороны от него на стороне 12 и 6 лежали два круглых камня, которые так нагревались от протекавших под ними термальных источников, что не замерзали даже в лютые морозы. Но даже в этом случае ни одна тварь земная не рискнула бы приблизиться к поляне и уж, тем более, к этим камням. О поляне знали немногие, и Сириус был в их числе. И... Лухо.

Зашло солнце. Ровно в 12 явился долгожданный гость. Лухо возник как из-под земли, прямо на камне на стороне цифры 6. Сириус вскинул руку вверх, тыльной стороной к собеседнику – пальцы распрямлены и плотно сжаты, взгляд насуплен. Лухо повторил жест, с той лишь разницей, что его ладонь была обращена к Сириусу в знак готовности к диалогу.

– Понравилась девушка? Я отправил её тебе в тот же самый миг, как ты оставил мне свою драконью лапу. Неужели ты думаешь, что за все эти тысячелетия я мог забыть, кто такой ты и кто такой я?

– Люцифер, ты забываешься. Я – системный ангел. Я не могу влюбиться в кого-либо. Мною владеет лишь агапэ, но филиа или эрос мне неподвластны.

– Хм, а я думал, что сисангелы – низший ангельский чин, ведь ангелы служат посредниками между миром горним и миром дольным. А значит, вы настолько близки к людям, что и сами неожиданно можете перевоплотиться в людей. Говорят, у вас упал «Космос»? Естественно, ты пытался починить его своей светлой энергией Марса, но у тебя ничего не получилось, верно? Скорее всего, UPS сгорел, да и сам сервак тоже. По твоим глазам я вижу, что я

прав. Вы столько тысячелетий админили тёмный сервак своей светлой энергией, что он не мог не слететь. Глупые сисангелы! Я сам ставил эту систему, и половина серверов, как ты помнишь, сделана именно мной. Да, признаю, другую половину сделал ты, хотя ты об этом и не помнишь, так как со снижением служебных полномочий тебе урезали и память, бедненький... А вот я, кстати, ушёл добровольно. И сохранил все свои силы при себе, так же, как и мои соратники. Но ты... Ты пребываешь в таком жалком состоянии, что и муху прибить не сможешь... Ах, ты гневаешься? Отлично. Гнев на Тёмную Сторону приведёт тебя, мой юный падаван. Но ты же боишься этой силы. Свет ослепил тебя, и ты не видишь ничего кроме. Хотя зёрна сомнения в тебе всё же посеяны. Недаром ты так смотрел на эту девушку, что у тебя чуть глаза не вылезли из орбит. Могу познакомить.

Собиравшийся было выдать гневную обличительную речь Сириус поперхнулся на первых словах. Его глаза разгорелись, пальцы затряслись, сердце отстукивало бешеные тимпанные ритмы.

– А ты и правда можешь?

Люцифер широко улыбнулся. Его роскошная улыбка сияла, как самая прекрасная звезда. Прямые чёрные волосы длинным каскадом струились к ногам. Большие, слегка сощуренные в алчной гримасе глаза затягивали в омуты своих чёрных дыр. Сириусу показалось, что у него кружится голова. Сердце подхватило невидимым вакуумным крюком.

– Перестань! – И франт в лицемерном белоснежном костюме отвёл взгляд.

– Могу. Но не хочу. Мне неинтересно. – И Люцифер демонстративно зевнул.

Сириус вплотную подошёл к нему и взял за лацканы одеяния. Костяшки его пальцев побелели, а руки задымили. Сириус убрал болевые ощущения и хорошенько встряхнул Люцифера. Тот нарочито удивился.

– Заинтригуй меня. Заставь меня поверить в чудо.

– Доступ, – сквозь зубы прорычал Сириус. – Доступ к ноосфере! Но ты не трогаешь её и меня, договорились?

Теперь Люцифер действительно удивился. Его алчные глаза широко распахнулись, чёрный раздвоенный язычок облизал внезапно пересохшие губы, пальцы теребили невесть откуда взявшиеся нефритовые чётки.

– Да, – кивнул он, – да! Да, ДА!!!

Такое ликование послышалось в его голосе, что Сириус невольно ужаснулся тому, что собирался учинить. Но сделка с дьяволом была заключена, и пути назад не осталось.

* * *

Marieth оказалась ещё краше, чем предполагал Сириус. Вживую она смотрелась просто потрясающе. Идеально, как сказал бы Рейего. Сидя на крыше Храма Богини Вечности, два ангела – падший и системный – смотрели на празднество, творившееся внизу. Инициировали Верховную Жрицу. Люцифер пояснил Сириусу, что его избранница – это Marieth. Тоже Дракон, кстати.

– Она – твоя вторая половинка, предназначенная судьбой.

– Богом? – переспросил Сириус.

Дьявол широко улыбнулся и покачал головой.

– Зная, что я ушёл от Него, почто задаёшь такие вопросы? Я не верю в Него. Он есмь, но я не верю в Него. Если ты понимаешь, о чём я.

Сириус ощерился.

– Отойди от меня, сатана!

– Ты уже пал, не помнишь ли, но ты заключил со мной сделку и отдал мне ноосферу. Многие годы мои программисты по ночам пытались подобрать универсальный код к ней, и у

них ничего не выходило. И тогда я нашёл предателя. Да кого! Тебя, Перворождённого. Иди же, сочитайся с этой женщиной, она – твоя награда! – И он толкнул Сириуса вниз.

Тот от неожиданности вызвал крылья, и плавно спланировал прямо к ногам своей избранницы. Она подняла очи к небу, и, увидев прекрасного ангела, воспрянула духом. День её инициации осенил такой прекрасный знак. Она не знала, что этот знак предвещал многие беды, которые обрушатся на Землю в следующие несколько дней.

– Marieth, душа моя, увидев тебя из небесных чертогов, я не смог устоять пред твоей красотой, и спустился долу, чтобы стать достойным быть с тобой. Сердце моё полно любви, оно лепечет чудные слова и трепещет, как пойманная птица. Я никогда не любил никого, кроме тебя. Будь моей.

Marieth лишь кротко улыбнулась ему и подала руку.

* * *

Кратким было их безбрежное счастье. Как сочеталось серебро с золотом, наступила черед несчасть. По всей земле пошла словно бы эпидемия алчности и разврата. Это Люцифер запустил вирус в систему ноосферы, и никто не мог найти на него антидот. Антивируса просто не существовало. Дни и ночи лучшие программисты ЕИР пытались спасти человечество от низвержения, они кодили и кодили, но ничего у них не выходило.

А в это время у Сириуса и Marieth был медовый месяц. Он брал её на небеса, и неузнанной она прокрадывалась к нему в чертог, где любовь служила им отрадой и утешением. Он дарил ей волшебство, красоту и добро. Она пленяла его своей прелестью и непокорным нравом. Их сердца пламенели, с каждым днём разгораясь всё сильнее и сильнее. Влюблённые словно бы не замечали того хаоса, что творился кругом.

А меж тем атеизм расцветал. Дух познания прочно вошёл в сердца людей, и они пытались препарировать божественную природу таким несовершенным инструментом, как наука. Но сей органон не мог покорить вершины мира, и тогда стали развиваться мистические и эзотерические учения, пытавшиеся сломать стену, ограждающую райский сад. Люди не видели врат, пытаясь идти обходными путями – более короткими. И их благие намерения лишь мостили дорогу в ад.

Люцифер неистовствовал, он смеялся, и заставлял бедных айтишников, зомбированных и слабых, кодить на него по ночам. Те не осознавали, что делали. Однажды ноосфера начала истаивать, распадаться на части. В первую очередь исчезли гении. Пропал полёт фантазии всех творческих людей. Затем и обычные люди стали как-то слишком быстро дряхлеть и ветшать. Они возвращались в первобытное состояние, дикое, свободное, но обречённое на деградацию. Не было выхода.

Marieth начала волноваться за своих рыцарей. Они совершенно утратили былую духовность. Это серьёзно обеспокоило её. И однажды она пришла к Сириусу с такими словами:

– Любимый, что-то неладное происходит на Земле. Люди стали примитивны, убоги, похотливы и гнусны. Что это? Что происходит? Ты же ангел, ты должен знать, в чём тут дело. Ничто не бывает просто так. В чём причина?

Сириус не мог солгать своей возлюбленной, и ему пришлось признаться во всём.

Она вздохнула и отвернулась.

* * *

Однажды, когда они были на небесах, Сириусу понадобилось ненадолго оставить возлюбленную. Вернувшись, он обнаружил, что Marieth исчезла. Он бросился искать её. И обнаружил её с Рейего.

– Рейего... Что происходит?

Рейего молча опустил голову.

– Прости, брат, но я вынужден буду рассказать всё серафимам. Этот хаос необходимо остановить. Ты теперь Падший. Мы боялись... и потеряли именно того, кто нам более всего по сердцу... Прости.

Глаза Сириуса гневно сверкали. Он понимал, что был неправ. Но что-то в нём заставляло пылать его сердце яростью. Что-то... Он был готов к борьбе.

Рейего, по всей видимости, мысленно воззвал к сисангелам, потому что внезапно по бокам от Сириуса возникли ещё четыре ангела, мягко взявшие его под локти. Конвоируемый, он направился в глубь ангельских чертогов. В отчаянии он оглянулся на Marieth. Девушка смотрела в пол. На её щеках сверкали тонкие дорожки слёз. Сириус ещё не знал, что видит Marieth в последний раз.

* * *

– Так ты преступил Грань? Ты знаешь, какое наказание полагается за это? – спросил его Алусаил.

Серафим был бесстрастен и спокоен. Ни одна волна эмоции не пробежала по его светлому челу. Белокурые волосы сияли золотом. Он был высок ростом, возвышаясь над Сириусом, как огненный колосс. Раньше Сириус блистал ещё более. Его серебро было ярче любого другого металла. Но теперь он словно бы весь потускнел, съёжился, и казался не выше низкорослого Рейего. Его дух тлел, словно огарок свечи. Он преисполнился отчаяния, он знал, что ему придётся плохо, очень плохо. Но Сириус не жалел ни об одном проступке, который совершил – он же следовал своему сердцу.

– Так ты не знаешь... – продолжил Алусаил. – Я скажу тебе. Ты будешь навсегда изгнан с Земли без права возврата на неё. Ты перестаёшь быть ангелом, перейдёшь в класс иных существ. Твою силу запечатают, и ты ничего не сможешь сделать. Великий Сириус станет не сильнее обычного мага. Обречённый на вечные странствия, ты будешь путешествовать между мирами согласно закону о сансаре. Бесконечно перерождаясь, будешь меняться. Ты волен выбрать Добро или Зло. Твоё имя, звезда, останется при тебе. Но твоя память истает. И никто не поможет тебе.

Ты провинился тяжко. Ты предал своего Отца и своих братьев и сестёр во Христе. И... Ты поддался притяжению Земли, и пал. Ты влюбился в земную девушку. Ты испытал эрос, тогда как нам дозволена лишь агапэ. Твои грехи тяжки. Ты услышал дьявола, и стал его соратником. Да, я помню: к Люциферу у тебя всегда были особые чувства, потому что вас создали из одной Формы, но... Как можешь ты так привязаться к творению, что не видишь самого Творца? Из-за тебя эта Дева Вечности никогда не обретёт того, что она искала. Она пошла на жертву, рассказав о вас с ней. И она сама назначила себе наказание: мы отдадим её Люциферу за соблазнение ангела. Навечно. А теперь ты будешь подвергнут экзорцизму.

Алусаил повернулся и неспешно пошёл. С каждым шагом он отдалялся всё больше и больше, хотя едва переставлял ноги. Сириус в крайней степени отчаяния протянул к нему руку, но серафим истаял, как утренний туман. Ноги Сириуса подкосились, и он рухнул на колени.

Его немедленно подняли, мягко, но твёрдо, и усадили на резное деревянное кресло. Руки были прикованы длинными чёрными цепями в виде змеиных голов. Глаза сисангела завязали чёрной лентой, неподвластной проникающему взгляду. Ноги прилипли к полу, и он не мог даже двинуться – он мог только слышать. Сириус слышал, что вокруг него встали тринадцать ангелов разных чинов и предназначений. Каждый излучал свою, неповторимую, энергию. Смешанные энергии Сириуса улавливали колебания родственных субстанций.

Сириус был Перворождённым. Бог создал сначала его, и лишь потом – всех остальных. Вторым был Люцифер. Как и Сириуса, его создали из смешанных энергий, всех, пребывающих в Боге. Казалось, оба должны оказаться приравненными к Создателю, но что-то отделяло их от Творца, и он оставался и близок, и бесконечно далёк от них. И Сириус, и Люцифер были вне категорий – самые сильные ангелы, они не имели чинов, не стояли в иерархии. Сириус был сильнейшим... Пока за то, что попытался спасти Люцифера от наказания, оправдывая его проступок, его не низвергли в низ лестницы, сделав простым системным ангелом. А Люцифер ушёл сам, уведя злую треть всей ангельской братии. А теперь его и вовсе хотели изгнать... Прочь, в глубины затерянных миров, без права на возвращение и на прощение. А ведь раньше он был лидером Патруля Вечности... путешествовал между мирами, созидал новые. Милосердие лишило его части силы и способностей, любовь отняла всё остальное. Во что ему верить теперь? Всё тщетно, всё тленно.

Ангелы пели печальные гимны. Сириус почувствовал, как силы утекают из него. Он постепенно забывал всё... Последним воспоминанием его стала Marieth. Неистовая, свободная, она в конце концов покорилась судьбе и неизбежности, пожертвовав их любовью, их свободой ради спасения всех остальных. Но вот и Marieth исчезла из его мыслей, и осталась только пустота и сосущая боль в груди.

Сириус остался в темноте. У него возникло ощущение полёта. Он видел огоньки, и принимал их за светлячков. Сириус перестал чувствовать себя, осознавать как целостную личность. Границы стёрлись, осталась лишь пустота. Он чувствовал только душевную боль, она не оставляла его, делаясь всё сильнее и сильнее. Он не помнил, кто он, где он, что ему нужно делать, что было, что будет – он не знал ничего. Его имя – шесть пустых звуков – тоже не значило ничего. Лишь фраза «You are all I need» имела какой-то странный глубинный смысл...

А потом его окутало облако живого света. Ему стало тепло и уютно. Но спустя девять мгновений, он почувствовал резкую боль. Свет отторгал его от себя, выталкивал наружу, в холодную и мрачную тьму.

* * *

В ту невероятно тёмную и непогожую ночь с ударом самой яркой молнии, расколовшей надвое крепкую скалу, в королевской семье вервольфов родился мальчик. Его называли Сириус, так как в тот момент только эта звезда была видна на небосклоне, затянутом тусклой хмарью.

Хайс уходит в небытие

В пустоте все мысли перемешиваются. Они сталкиваются между собой, как ледяные шарики, и разлетаются в стороны, постепенно истаивая. Мысли клубятся в голове, как ослепительно чёрная тьма, разбиваются об острые камни сомнений, разламываются на части, и хрустят под ногами. Нет ничего тяжелее слов. Нет ничего страшнее одиночества. И мир рушится в такие мгновения. Остаётся одно лишь серое безмолвие.

Тишина. Она была повсюду. И ничто не могло спасти от этой ослепительной тишины. Тогда он зажмурился, чтобы не видеть пустоту вокруг себя, и даже закрыл лицо руками. Но тишина прорывалась сквозь веки. И он открыл глаза, как будто делал это впервые в жизни.

Хайс сидел на простом пластиковом стуле и смотрел в потолок. Над ним неторопливо и чинно проплывала афалина. Сквозь бронированную толщу стекла на него смотрели её по-человечески выразительные глаза. Хайса с детства учили, что афалины – жестокие конкуренты человека в борьбе за выживание. Размножившись, они съедают все запасы рыбы, которые могли бы пойти на прокорм поселению. Но Хайсу афалины очень нравились. Гораздо больше, чем люди.

– Знаешь, зверёк, ты мне симпатичен. Я бы с удовольствием поплавал с тобой. Если бы нас хоть иногда выпускали наружу.

Казалось, дельфин внимательно следит за мальчишкой, ловя каждое его слово. Вот он прострекотал что-то на своём языке, жаль только, стекло не пропускало ни единого звука. Но Хайс со своим богатым воображением мог легко представить себе каждое слово:

«Да, ты тоже мне очень нравишься, человеке, и я сожалею, что ты не можешь быть с нами. Здесь так хорошо и привольно, мои братья и сёстры живут в любви и неге. Выходи к нам, не бойся, мы ждём!».

Он устало прикрыл глаза. Пятнадцать лет. Вот уже долгие пятнадцать лет он живёт в этом стеклянном мире. Кругом лишь вода и стёкла – и ничего больше.

– Хозяин, я принёс вам чай из водорослей. Всё, как вы любите.

Хайс обернулся и с неприкрытой теплотой посмотрел на говорящего. Это был андроид, как две капли воды похожий на отца Хайса, умершего три года назад при трагических обстоятельствах. Высокий, с коротко стриженными чёрными волосами, зеленоватыми глазами и широкими плечами, он улыбался хозяину.

– Ро, ты молодец. Только ты и Ли поддерживаешь меня. Остальных я видеть не хочу.

– Почему же, хозяин? – спросил Ро немного грустно. – Ведь вы – полноценный член общества, вы должны приносить пользу.

– Пользу? – разъярился Хайс. – Ни один из них не помог отцу, ни один. С какой стати я должен делать что-либо для них?

Ро покачал головой.

– Вы поступаете неразумно. Они же кормят вас.

– Ну и что? Да им всё равно, жив я или мёртв. В нашем городе каждый существует сам по себе, никто никому не нужен. Наверное, в других городах тоже так. Отец, пока был жив, говорил, что это – последствия войны, потеря человеком доверия к человеку. А потому мои единственные друзья – ты и Ли. Я вас создал, а потому вам знакомы мои мысли и чувства. Ты разделяешь мои взгляды?

– Да, хозяин, – вздохнул робот. – Хотя... у меня души нет... Мы всегда будем на вашей стороне, хозяин. Но всё же вы поступаете неразумно, отказываясь от общества себе подобных.

Хайс встал со стула и прошёлся по комнате.

– Где я живу? Всю жизнь прожил под колпаком. Где свобода? Я страдаю от духоты и замкнутости этого мира. Я знаю, что мироздание несправедливо, ведь на свете нет ничего,

кроме этого песка, стекла и океана. Наверное, всё состоит из одной лишь воды; я не знаю ничего иного. Вода – это смерть, она слишком солёная, чтобы её можно было пить. И мы очищаем её, чтобы она несла нам жизнь. Отец говорил, что наше тело примерно на 60 процентов состоит из воды. Значит, поистине, причина возникновения мира – вода. Кажется, у древнегреческих философов было что-то об этом.

– С вашего позволения, об этом писал Фалес Милетский.

– Допотопная философия. В XXIV веке уже давно должны были забыть имена всех этих деятелей, живших до войны. Один я читаю эту сомнительную литературу. Так завещал отец.

– Вы слишком рано повзрослели, юный хозяин.

– Конечно, ведь отец умирал у меня на руках.

– Тяжёлые времена, хозяин.

– Ну, полно. Сходи, продезинфицируй воду, положи в неё медную шайбу. И позови Ли. Пусть она начистит медные столы и приборы, они вновь начали покрываться оксидной плёнкой.

Прихрамывая, в комнату вошла Ли – она была абсолютно идентична матери Хайса, умершей при его рождении. Робот заметно подволакивал ногу.

– Что такое? – нахмурился Хайс.

– Проблема в сервомоторе, хозяин, мне кажется, я повредила ногу при падении с лестницы, когда переставляла книги. Зачем вы храните столько бумаги, хозяин? Это же горючий материал, под водой очень опасно гореть, вы ставите нас под угрозу одновременно пожара и затопления, – сказала Ли своим мелодичным сопрано. Маленькая, худенькая, востроглазая, обычно она являла собой воплощение энергичности и действия, но на этот раз глаза её заволакивала мутная пелена.

– Ты помирать, что ли, собралась? Ложись на стол и выключи внешние сенсоры. Пересобери тебя и заряджу. Выключи, выключи, мне становится не по себе, когда ты начинаешь смотреть на меня во время ремонта.

Ли послушно легла на стол и выключила питание. Глаза её потухли, лицо лишилось всякого выражения, она стала холодной и неподвижной. Стороннего человека напугала бы эта мнимая смерть, выглядящая совсем как настоящая. Хайс снял с её ноги кожу и обнажил медный корпус андроида. Под корпусом находилась чуткая электроника, сервомоторы и сервоприводы. Одна из металлических мышц в ноге робота была помята. Хайс взял инструменты и выправил металл, выровняв вмятину. Натянув кожу на место, он включил Ли.

– Ли, теперь всё в порядке. Ты снова в строю.

– Есть, капитан! – бодро отсалютовала электронная женщина. – Вы бы сходили, пообщались с ровесниками. Роботы, это, конечно, очень хорошо, но вам необходимо здоровое общение с себе подобными. Это облагораживает душу.

– Я не думаю, что мне это требуется. Я самодостаточен.

– Но всё же сходите. Сегодня праздник. Рыбаки возвращаются с уловом.

Хайс закатил глаза.

– Ладно, схожу. Но только потому, что ты просишь. Ты так похожа на мою мать...

* * *

Несколько квадратных миль стеклянных куполов и тоннелей – вот и весь мир Хайса. С самого детства он знал только это: стекло и проплывающие в тёмно-синей воде рыбы. Купола подсвечивались изнутри. Кислород дистиллировался прямо из воды. И та же самая морская вода проходила несколько степеней очистки, она фильтровалась от соли, чтобы быть пригодной для питья и умывания. Умывание происходило строго по часам, душевые были общие. Еда также подавалась по времени, в общей столовой, занимавшей огромный купол. И повсюду были

медные трубы, в которых текла вода, вновь и вновь проходящая через фильтры, замкнутая в цикл. По коридорам бродили люди вперемешку с андроидами, носившими чёрные ошейники, чтобы отличаться от людей. Только роботы Хайса не носили никаких знаков отличия, но здесь все знали, что он помешался после смерти обоих родителей, поэтому, хотя и смотрели косо, но санкций не применяли.

– Внешний шлюз открылся!

– Рыбаки!

– Они вернулись!

Хайс недовольно попинал стену. Стекло отозвалось глухо.

– Они продлят нашу никчёмную жизнь ещё на месяц. Как это глупо. И зачем жить?

Помпа откачала воду за внешним шлюзом, подводная лодка опустилась на дно, и тогда открылся шлюз внутренний. Радующиеся люди, размахивающие ленточками, заполнили всё межшлюзовое пространство. Играла задорная музыка, звучащая из каждого угла, с каждой улицы. Отворился люк в верхней части лодки, и люди, одетые в непромокаемые костюмы, стали выносить пластиковые корзины с рыбой, спускаясь по приставленному металлическому трапу. Рыбаками были юноши и девушки, весело улыбающиеся всем и каждому. Хайса вытеснили в первый ряд, а потому он видел их абсолютно отчётливо. Мимо него, задев краем одежды, прошла девушка. Она улыбнулась.

Мир вокруг Хайса растворился в туманной дымке. Отчётливо он видел лишь тонкую фигурку девушки, несущую тяжёлую корзину. Длинные белокурые волосы её завивались кудрями. Весело блестели тёплые карие глаза, огромные, широко распахнутые. Алые губы растягивались в улыбке. Форма её лица напоминала сердечко. Картину не мог испортить даже нахальный курносый нос, усыпанный веснушками. Девушка была невысокого роста, но очень хорошо сложена – изящные плавные линии её тела очаровали парня. Тонкая талия. Крутые бедра. Высокая грудь. Лебединая шея. Прямая спина. Хайс смотрел на незнакомку, как заворожённый, и в груди у него распушался огромный огненный шар.

– Как твоё имя? – невольно спросил он, пребывая в каком-то мистическом трансе, известном с древних времён.

– Аннет, – вновь улыбнувшись, ответила девушка.

И ушла, оставив после себя свежий морской аромат.

* * *

В глубокой задумчивости Хайс сидел и лелеял свою меланхолию, искоса поглядывая в зеркальце. Не красавец: чёрные волосы, крючковатый нос, вечно нахмуренные брови, бледные губы, зеленоватый цвет лица. Нет, не красавец. Таких девушки не любят.

– Ро, скажи, я красив? – спросил он, вздохнув.

– Для нас с Ли вы красивее всех на свете, дорогой хозяин.

– Понятно. Что бы я ни сказал, ты согласишься с этим.

– Уже месяц прошёл, хозяин, а вы всё переживаете. Сегодня рыбаки отплывают, сходите, посмотрите, развейтесь.

– Рыбаки, говоришь? Лишь они одни, да ещё работники сырьевой индустрии могут выходить наружу. Самая интересная история, которую я слышал про металлургов, это то, что они обрабатывают металлы в Марианской впадине, где, как говорят, давление почему-то больше. Ну, я пошёл.

– Счастливо, хозяин, – поклонился Ро.

* * *

Хайс медленно брёл по пустынным коридорам. Над ним проплывали разноцветные рыбы – забавная рыба-клоун, угри, рыбы-павлины, рыбы-попугаи... Серая афалина – кажется, та же самая – вновь следовала за Хайсом. Парень следил за ней взглядом. Она определённо чего-то хотела от него. Вот бы познакомиться с ней поближе!

Вот и шлюз. В это время он открыт, чтобы каждый мог пожелать удачи рыбакам, от которых зависели все остальные. В голове Хайса внезапно возникла сумасшедшая идея, и он не стал её отбрасывать. Быстро осмотревшись по сторонам, он, цепляясь за выступы на боку подводной лодки, забрался на верхнюю часть корпуса и проскользнул в люк. Внутри было темно, и он, пробираясь наощупь, забрался в какое-то помещение. Рука его нащупала дверцу шкафа, куда он и спрятался. Устроившись поудобнее, он приготовился ждать и постепенно задремал.

Проснулся Хайс от того, что заработали моторы. О борта подводной лодки билась вода, по всей видимости, они уже выходили из внешнего шлюза. Юноша никогда раньше не выбирался за пределы города, и всё происходящее было для него в новинку. У него зазвенело в ушах, и он почувствовал давление на голову. Наверное, ничего страшного. Потянувшись, он вывалился из шкафа прямо под ноги Аннет.

– Что ты здесь делаешь?! – изумилась девушка. – Вам же запрещено покидать город. Это опасно.

Хайс засмутился.

– Я... я просто хотел посмотреть мир. Мне так опротивел город. Слишком душно.

Аннет подмигнула парню.

– Да, я тебя понимаю, сама не могла дожждаться дня инициации, чтобы выбраться отсюда.

– Инициации? Так тебе уже есть шестнадцать? А мне только пятнадцать.

– Ну да, мне семнадцать лет, и вот уже год, как я хожу с этим рыболовецким судном. Я счастлива. Мы гораздо свободнее всех остальных людей. Нам позволено даже выходить из лодки, правда, в особых водолазных костюмах, защищающих от воды, давления и радиации.

– А есть что-то ещё, помимо воды?

Аннет задумчиво покачала головой.

– Нет, ничего. Ты же знаешь, весь мир – это вода.

– Эх, жаль. А я-то думал, может, есть ещё где-то такие пустые пространства, как у нас под куполами, которые наполнены воздухом, но только естественные. Как пещеры. Я встречал в книгах такие слова как «небо» и «облака», быть может, это особые виды воды? Выражение «голубое небо» точно говорит о воде, только о какой-то разреженной воде.

Аннет засмеялась.

– Ты такой умный, просто прелесть. А что такое «книги»?

– Книги – это данные, записанные на бумагу.

Девушка нахмурилась.

– «Бумага» – это очень плохо, как я слышала. Она горит, а под куполом это недопустимо. Очень трудно тушить пожар. Потом воду не откачаешь.

– Ты слишком серьёзная, как мне кажется. Раньше вся информация была записана на бумагу, когда люди жили под «небом».

– Наверное, до войны были какие-то особые купола, под которыми было легче тушить пожары, вот они и использовали эту «бумагу». Тогда и растений было больше, чем сейчас. Они едят наш кислород, – задумчиво протянула Аннет.

– Да ничего ты не понимаешь! – надулся Хайс. – Тогда всё было как-то по-другому... рациональнее, я думаю. Допотопные люди были большими мудрецами.

Аннет ткнула в него пальцем и победно возразила:

– Были бы мудрецами – не допустили бы войны, и эти воды не заразились бы радиацией. Хайс только покачал головой.

– Какие же вы девчонки сложные создания... – И прибавил шёпотом: – Но красивые. Аннет только фыркнула.

– Ладно, так и быть, оставайся здесь, тем более, что мы не будем из-за тебя возвращаться. Топливо добывать всё труднее. Пойдём со мной, подберём тебе костюм, ты же хочешь выйти наружу?

Хайса переполнил безудержный восторг. Такого поворота событий он не ожидал.

– И я увижу, как вы ловите рыбу?

– Ага, – беззаботно отозвалась девушка.

Пройдя по длинному тёмному коридору, освещавшемуся только аварийными лампами, они попали в хвостовой отсек, где хранилось оборудование для рыбной ловли и водолазные костюмы. Аннет пробежалась пальцами по рядам костюмов, и вытасила один из них, ярко-красный.

– Мы делаем их заметными, если кто-то вдруг решит потеряться в этих водах. Примерь этот. Он должен подойти к твоей худощавой фигуре.

Хайс насупился, но костюм натянул. Щёлкнув, скафандр облепил его тело, чётко следуя каждой линии и складке. Лёгкий, тёплый, он был сделан из серебра и углепластикового волокна.

– А теперь шлем. – Аннет подала ему красный шлем с огромным визором, идущим от виска к виску и открывающим обзор на 180 градусов во все стороны.

Шлем идеально подошёл Хайсу и был почти неощутим на голове – лёгкий, прочный, и не затрудняющий слышимость.

– Отлично! – воскликнула девушка. – Ты готов к выходу. Мы прибудем на первое место ловли примерно через двадцать минут, так что можешь не раздеваться. Остальных я предупрежу.

– А чем вы ловите рыбу? – спросил озадаченный Хайс.

Девушка довольно ухмыльнулась.

– Видишь вот эти шарики? Мы их бросаем в воде, они летят по инерции, потом разворачиваются в сеть, а затем смыкаются вокруг нескольких рыб. Это уже как повезёт. Мы называем их «лабрис».

– Почему они названы так же, как двусторонние топоры?

Аннет пожала плечами.

– Не знаю. Наверное, кому-то это слово понравилось, так и назвали. А может потому, что раньше были метательные топоры, и эти шары тоже нужно метать. Ну, я пошла. Сиди здесь и ничего не трогай.

Плавно покачивая бёдрами, она ушла в носовую часть подлодки. Хайс невольно проводил взглядом это движение.

– Так, ладно, – пробурчал он себе под нос, – пора заняться делом.

Проворно схватив один из описанных шаров, он запихнул его в карман водолазного костюма, благо устройство оказалось небольшим, всего сантиметра три в диаметре. Потом, как ни в чём не бывало, он уселся на первый попавшийся стул и стал ждать. По его ощущениям, судно теперь двигалось гораздо медленнее, да и звук моторов стал глуше. После резкого толчка, во время которого парень чуть не слетел со своего наместа, подлодка остановилась.

Хайс осторожно поднялся на ноги. В отсек, сурово поглядывая на парня, входили рыбаки. Хайс угрюмо косился на них. Рыбаки отворачивались.

– Парень, ты точно получишь, как следует, когда вернёмся в город, – сказал молодой рыбак, не более чем на пару лет старше Хайса. – Но если выдержишь порку, мы, так и быть, примем тебя в свои ряды.

Хайс не верил своим глазам. Рыбак ухмылялся во весь рот.

– Ты издеваешься? – спросил Хайс. – Может, ты хочешь начать прямо сейчас?

Рыбаки столпились вокруг, отпуская двусмысленные комментарии и радуясь предстоящему шоу.

Без предупреждения рыбак бросился на Хайса. Получив ощутимый удар в челюсть, Хайс пошатнулся – драться он, естественно, не умел драться.

Пришлось включить логику: рыбак высокий, худой, поэтому легче всего будет поднырнуть под его руку и ударить в солнечное сплетение. Что Хайс успешно и проделал. Рыбак, не успевший переодеться в костюм, согнулся надвое, но быстро пришёл в себя. Дав Хайсу по носу, он отступил, чтобы перегруппироваться. Юноша вытер выступившую кровь и стал прикидывать, куда бить дальше. Очевидно, рыбак так и намеревался ударять его по голове, потому что костюм ему всё равно было не пробить. Они вновь начали сходитьсь, но тут Аннет метнулась наперерез мужчинам.

– Хватит! Перестаньте! Что за детский сад? Джойс, ты же уже прошёл инициацию, не веди себя как ребёнок! Хайс, а ты? Ты же такой умный, чего в драку полез? Не видел, что он тебя подначивает?

Джойс по-хозяйски приобнял Аннет за талию, и сказал:

– Женщина, молчи, когда мужчины оценивают друг друга. Я решил провести обряд инициации здесь и сейчас, по-нашему. Мне кажется, он нам подходит.

И воздух взорвался приветственными криками. Хайс только изумлённо озирался по сторонам, смотря на всех этих людей, которых он до недавнего времени, по большому счёту, презирал. Но одно омрачало его мысли: Аннет тоже обняла Джойса, и казалось, что ей это было привычно. Вот и всё, кончилась его светлая любовь... когда он только начал осознавать её.

– Шлемы-фильтры наде-евай! – Джойс, будучи главным, отдал команду.

Вся команда подводной лодки, кроме двух рулевых, уже облачилась в костюмы. Надев шлемы, они направились к нижнему двойному шлюзу.

Вода оказалась непривычно холодной. Хайс почувствовал, как костюм начинает автоматически менять температуру, и вскоре ему сделалось уже тепло. Оттолкнувшись ногами, он проплыл немного вверх и замер: огромный водный мир простирался вокруг.

Мимо проплывали тысячи рыб. Тёмно-синее приятно окутывало и покачивало. Давление на голову и тело совсем не ощущалось, благодаря чудо-костюму. В руку Хайсу что-то ткнулось. Он чуть не вскрикнул от неожиданности, но это оказалась давешняя афалина.

– Это ты? Привет! Как ты меня нашёл... или нашла? – И он погладил афалину по голове.

– Эй! – окликнул Хайса один из рыбаков. – Это ты с кем там разговариваешь?

Хайс оглянулся. Афалины нигде не было.

– Да так, ни с кем, – отозвался в передатчик Хайс. – Океанические галлюцинации, первый раз на открытой воде.

– А, тогда понятно. Ну, ты там поаккуратнее, парень.

Вокруг творилась настоящая феерия. Рыбаки отводили руки назад, и метали портативные удилица, находившиеся в их руках. Шарики распрямлялись с негромким треском, разворачиваясь в длинные серебристые сети, которые взмывали вверх, накрывая рыб. Перед глазами Хайса мерцали тысячи бликов, и он почувствовал, что у него начинает кружиться голова.

– Не зевай, бросай сеть! – задорно крикнула ему Аннет.

Хайс вытащил шарик из кармана и только попытался размахнуться, чтобы бросить сеть, как раздался громкий крик:

– Акула, акула, спасайтесь все!

Серая молния метнулась наперерез быстро уплывающим рыбакам. Хотя каждый ребёнок с детства учился плавать в городском подводном бассейне, всё же человек не мог сравниться в скорости с рыбой. Мощными челюстями огромная акула захватила ногу одного из рыбаков.

Пятна крови расплылись на воде, окрашивая её в грязный, мутный цвет. Кто-то пронзительно закричал. Рыбина даже и не повернула головы. Хайс понял, что это кричит он сам, первый раз столкнувшийся с такой опасностью.

– Помогите! – закричал пойманный рыбак.

Аннет! Это была Аннет!

Хайс даже и не понял, когда он успел подплыть к акуле. Мощным броском он забросил ей между зубов лабрис, и с громким щелчком сеть распрямилась, полностью забив глотку акуле. Рыба забилась и задёргалась, пытаясь выплюнуть сеть, и отпустила Аннет.

Хайс огляделся по сторонам. Рыбаки уже уплыли куда-то, кроме того, во время боя их снесло в сторону подводным течением, так что корабль исчез из поля зрения.

Хайс выругался про себя, подхватил под руки стонавшую Аннет и поплыл подальше от акулы, жевавшей сеть. Он не заметил, как ещё более сильное течение подхватило их, завертело и понесло. Стремясь вырваться из цепких лап подводной реки, он изо всех сил старался загребать в сторону. Мышцы ног заныли, но двигать он мог только нижними конечностями, так как всё ещё крепко держал девушку. Перед глазами Хайса поплыли чёрные пятна, но он продолжал судорожно грести. Он уже не понимал, где верх, а где низ, но всё так же продолжал плыть, зная, что за их спиной осталась смерть.

Внезапно серая тень мелькнула перед его глазами, и он уже подумал было, что это акула настигла их, но это оказалась афалина. Призывно махнув хвостом, она поплыла, словно указывая направление, и Хайс начал грести вслед за неожиданным помощником. Видя, что юноша выбивается из сил, дельфин подплыл к нему и дал ухватить себя за спинной плавник. Выровнявшись по течению, Аннет и Хайс поняли, что движутся куда-то вверх.

– О нет, – простонала Аннет. – Теперь нас точно никто не найдёт. Мы никогда не всплываем так глубоко ото дна, а ведь впереди – необозримая бесконечность воды... Как нас теперь найдут? И передатчик так высоко от дна сигнал не поймает...

– Молчи, экономь силы, – посоветовал Хайс. – Ты потеряла много крови. Кто знает, сколько мы ещё продержимся. И почему вы не носите с собой оружия?

Аннет помолчала.

– Нападений не было уже года два, вот мы и подумали, что эти твари вымерли от радиации. Кроме того, в тех водах никогда не бывало агрессоров. Мы не были готовы к такому. Оружие занимает слишком много места, его тяжело тащить на себе – ты когда-нибудь видел электрический гарпун? И без этих бандур мы могли брать с собой больше сетей, ведь городу требуется много пищи...

– Идиоты, – сквозь зубы прошипел Хайс. – Ведь взрослые люди, а какие идиоты... Чему вы только после инициации учитесь?

– Ну, уж извини, – рассердилась Аннет. – Можно подумать, это ты пострадал. Я ещё и утешать тебя должна, когда у меня от боли ногу свело? Ну и челюсти у этой рыбины, раз она смогла прокусить этот костюм.

– Кстати да, а как он не разгерметизировался? Почему тебя не расплющило давлением? Почему ты не задохнулась?

Аннет сощурилась от боли.

– Я чуть не погибла в зубах этой твари, а тебя интересует только теория? Так, я тебе отвечу, но потом ты отстанешь от меня. Костюм сделан из нескольких слоёв, в каждом из которых есть отдельные сегменты. В случае разгерметизации одного из сегментов, он мгновенно изолируется, а пространство между слоями заполняется специальным герметизирующим составом. Это работает при очень высоком давлении. Всё понял, доволен? Тогда оставь меня в покое и дай спокойно регенерироваться.

– Так костюм ещё и на это способен?

Но Аннет промолчала. По всей видимости, она потеряла сознание от большой кровопотери.

Тогда Хайс заговорил с афалиной.

– И куда ты нас тащишь? Ведь наверху всё то же самое, что и возле дна, только дом-то у нас находится внизу, а вот наверху только бескрайний океан.

Но афалина не ответила, потому что Хайс всё равно не понял бы её языка. Она продолжала плыть всё выше и выше.

Вода становилась светлее, оттенок её изменился на мягко-голубой. Мимо потерявшихся людей проплывали белые купола медуз, несущих свои длинные жгучие щупальца. Они неярко сияли от какого-то источника света. Кислорода в воде почему-то стало больше. И внезапно вода кончилась! Вокруг была пустота! О, ужас! Это было небытие!

Хайс от ужаса закричал. Он не понимал, как это может существовать место без воды, где бы не было купола. Он кричал и кричал, ему казалось, что он сейчас умрёт от собственного крика, или от ужаса, от осознания того, что вода кончилась, заменившись какой-то бесцветной субстанцией.

Рядом недоумённо щёлкала клювом афалина – она явно не понимала, почему маленький человек так переполошился. Воздух в лёгких Хайса закончился, перед глазами плавали огненные мушки. Что бы это ни было, здесь было очень много света и тепла. Океаны света. Над головой плавали белые пушистые громады, похожие на рыбы плавники. В воздухе парили какие-то животные, плавно взмахивающие своими отростками-плавниками. И что-то огромное, огненное, похожее на шар, полыхало над их головами. Визор шлемофильтра затемнился, и тут внезапно Хайс прозрел.

– Это же небо и облака! И солнце! Так вот что такое описывали допотопные! В их мире не было так много воды... Так значит, у них были надводные лодки? И они жили на этих лодках? Но сколько же надо лодок, чтобы вместить целый город! – Тут набежавшая волна захлестнула шлем Хайса, и он отёр прозрачные капли.

– Вода течёт неравномерно. Этому должно быть какое-то объяснение. То, что вода захлестнула меня, показывает, что им было сложно жить на этих лодках, потому что они могли перевернуться.

Пока он рассуждал сам с собой, очнулась Аннет.

– Мне показалось, кто-то крича... – начала она. – А-а-а, что это!!!

Послышалась ещё целая серия криков, прежде чем Хайс смог успокоить Аннет и объяснить ей, где они оказались.

Отдышавшись, девушка сказала:

– Я знала, что ты безумен, но чтобы настолько... Ты похитил меня, чтобы вытащить под это... небо, бросил сеть в пасть акуле, когда у тебя не было в руках оружия, подружился с врагом, поедающим наши запасы... Я ни разу не видела таких ненормальных мальчишек. Будь я твоей старшей сестрой – отшлёпала бы тебя, и всё. Зря я не дала Джойсу закончить дело. Ох, Джойс, он меня бросил!.. – И она заплакала. – А мы теперь здесь умрём, и никто даже не знает, что мы всплыли наверх, потому что это – безумие!

Хайс вздохнул.

– Хватит плакать. Всё же хорошо. Мы открыли для себя нечто новое, невероятное. Этого никто не видел со времён после войны. Помнишь, как было написано в учебнике? «И создали они оружие столь мощное, что горы сотряслись в безумном припадке, и рухнули горы, и заплакало небо, и кровавая роса выступила на поверхности воды. Растаяли ледовые шапки, и взбунтовался седой океан...». Тогда я не понимал смысла этого пассажа, но теперь я понимаю, да и ты тоже!

Аннет улыбнулась сквозь слёзы.

– Мы находимся в безвыходной ситуации, и даже сейчас ты можешь думать только о своих заумных рассуждениях – ты неисправим... А где же твой серый друг?

Хайс огляделся по сторонам – афалина исчезла.

– Прекрасно, – сказала Аннет. – Теперь мы точно отсюда не выберемся. С такой ногой я не смогу нырять ещё день. А за это время мы привлечём к себе внимание всех акул в округе.

Хайс не смог найти слов, чтобы успокоить Аннет. Он просто снял шлем и подставил лицо ветру – явлению, названия которому он не знал.

Аннет запаниковала.

– Здесь же радиация, надень немедленно!

Хайс, чьи волосы развевал сильный ветер, устало произнёс:

– Знаешь, что я подозреваю? Что спустя триста лет никакой радиации уже нет. Похоже, это миф, которым нас потчевали, чтобы держать в повиновении. Наверняка старейшины знали, что есть поверхность. У них должны были сохраниться знания о мире до потопа. Но проще держать нас под колпаком. А им достаётся неограниченная власть.

– Но счётчики всегда показывали, что есть радиация...

– Значит, они были изначально настроены на какое-то пороговое значение, и даже минимальное отклонение от этого значения показывалось как зашкалившая радиация.

Аннет разозлилась.

– Слишком уж ты умный. Тогда придумай, как нам отсюда выбраться!

– Мне нужно время. Давай просто подождём.

– Подождём чего? Своей смерти? – пробурчала под нос Аннет, но послушно замолчала.

Шли часы. Хайс беспокойно плавал туда и сюда, подставляя лицо ветру. Он рассматривал облака над головой в поисках ответа, Аннет же казалось, что юноша просто любит миром вокруг. Устав от ожидания, она тоже сняла шлем, и теперь щурилась от солнечного света.

– Я не знаю, – выдал, наконец, Хайс. – Если бы я смог послать сообщение Ли и Ро... Медноголовые живо бы выгнали нас отсюда.

Аннет только хотела сказать особо колкую реплику, как вдруг раздался странный стрекочущий звук. Хайс хотел нырнуть, и глаза его разъезла морская вода, он захлебнулся и начал тонуть. Аннет подплыла к нему и натянула свой шлем ему на голову. Хайс тонуть перестал.

– Что это за странный звук? – голос юноши звучал из-за шлема особенно глухо.

Аннет снисходительно посмотрела на него.

– Это батискаф. Такими пользуются металлурги, когда они отправляются к впадинам для изготовления металлов.

– Нас нашли! О, да это наш дельфин!

Афалина задорно засвистела, приветствуя Хайса. Но поверхность вынырнул круглобкий батискаф, которым правили андройды Хайса. Открылся небольшой люк в верхней части подводного аппарата.

– Хозяин! Какое счастье! Мы вас нашли! Этот дельфин приплыл к нам, и тыкался мордой в стекло, что-то возбуждённо вереща, пока мы не пошли за ним. Потом он приплыл в док, и тогда мы поняли, что следует плыть туда, куда он нас зовёт. Вы же всегда говорили, что нужно доверять своей интуиции. Мы взяли батискаф, за что нам было очень стыдно, и отправились вслед за афалиной, пока она не привела нас к вам, – сказала Ли. – Ро отговаривал меня, но я напомнила ему, что вы ушли к рыбакам, а значит, и искать вас надо у рыбаков. Но рыбаки уже отплыли, и вас в доке не было. Но куда вы ещё могли пойти, если всё время проводите в наших комнатах? Я сразу заподозрила неладное...

– Ладно, ладно, – вскинул руки Ро. – Ты была права, но только прекрати трещать. Давай лучше выгалим хозяина и хозяйку, они же совсем устали.

– Я тебе ещё задам за «хозяина и хозяйку», – прошипел пунцовый Хайс. – Вот погоди у меня.

– А что я такого сказал? По-моему, вы неплохо сошлись, судя по тому, что мы успели увидеть.

Хайсу показалось, что с сердца у него свалился огромный камень.

* * *

Естественно, им не поверили. Оба получили нагоняй. Родители заперли Аннет, а Хайс сам никуда не выходил, и целыми днями читал, читал... Потом он заперся в своей мастерской и что-то долго выпиливал, стругал, паял. Ли и Ро ассистировали ему, не понимая, что делает хозяин. Они никогда не видели столь сложную конструкцию из меди, и даже не могли представить, где такое использовать под куполами. Наконец, Хайс приделал пластиковые ремни и остался доволен делом рук своих. Гораздо быстрее удалось закончить второй экземпляр этого чудесного изделия.

– Ну что ж, – сказал он однажды утром. – Нам нужно повторить опыт всплытия к поверхности.

– О нет! – закричала Ли. – Только не снова в этот дикий мир!

– О нет! – завопил Ро за компанию. – Нам придётся вновь воровать батискаф! Нас же не пустят обратно в город!

– Нет, не надо батискаф, – согласился Хайс. – Нам потребуется подводная лодка.

Роботы только молча всплеснули руками.

* * *

Аннет, много спавшая в последнее время, проснулась от того, что кто-то скрёбся в её дверь.

– Кто там? – спросила девушка, не ожидая, что ей ответят.

– Твой пропуск на свободу, – раздался тихий радостный голос, и дверь отворилась.

– Хайс! – обрадованно воскликнула Аннет и бросилась ему на шею. – Ро и Ли вместе с тобой!

– Ш-ш-ш! – приставил палец ко рту Хайс. – Нам нужно бежать, и скорее.

Аннет нахмурилась.

– Куда ты опять собрался? Я не буду ввязываться в твои авантюры.

– А ты уже ввязалась! – довольно сказал Хайс, схватил девушку за руку и потащил. Поначалу она упиралась, но потом даже побежала.

Показался док. Его никто не охранял, потому что в замкнутом городе, где все друг друга знали, красть было некому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.